

АЛЕКС БЭТТЛЕР

Том I
Введение в мирологию

Алекс Бэттлер

**Мирология. Том I.
Введение в мирологию**

«ИТРК»

2014

Бэттлер А.

Мирология. Том I. Введение в мирологию / А. Бэттлер —
«ИТРК», 2014

Автор предлагаемого труда – канадский ученый Алекс Бэттлер (Олег Арин), перу которого принадлежит более 400 работ в различных областях науки, включая 22 индивидуальные монографии. Результатом его научной работы стало открытие ряда законов и закономерностей в области философии, социологии, теории международных отношений. Предлагаемый многотомный труд не имеет аналогов в мировой научной литературе, поскольку в нем впервые поставлена задача создания целостной науки – мирологии (науки о мире). Первый том посвящен основам новой науки, ее философской и науковедческой базе, т. е. фундаменту, на котором строится все здание мирологии. В последующих томах раскрываются ключевые понятия и категории, на которых базируется современная научная дисциплина – теория международных отношений. Новое авторское видение и открытие законов и закономерностей в теории международных отношений превращает данную дисциплину в науку о мире. Автор вводит новые понятия и категории мирологии, а также вскрывает законы и закономерности, на основе которых функционирует вся система мировых отношений. Автор полемизирует практически со всеми ведущими учеными мира в области международных отношений, и его аргументированный философский стиль нападения впечатляет тщательностью и глубиной. Книга рассчитана на исследователей, ученых, знатоков философии и всех тех, кто стремится познавать мир.

© Бэттлер А., 2014

© ИТРК, 2014

Содержание

Предисловие	8
Введение: предмет исследования	12
Книга 1	19
Глава 1. Философские основы теорий международных отношений	19
1. Классики прагматизма и позитивизма	19
2. Нео/постпозитивисты и другие	22
3. Философская школа «толковательного диалога»	31
4. Кантовский мир	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алекс Бэттлер
Мирология. Прогресс и сила в мировых
отношениях. Т. I. Введение в мирологию

© Алекс Бэттлер (Alex Battler), 2014

© Издательство ИТРК, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

В. Бэттлер. Диалог Фауста и Мефистофеля.

Предисловие

Предлагаемый труд является завершением цикла моих работ о силе и прогрессе. Напомню читателю, что в первой книге «Диалектика силы: онтобгия» была вскрыта онтологическая сущность силы на философском уровне, затем были проанализированы ее проявления в космосе в контексте теории Большого взрыва, в органическом мире – с точки зрения решения проблемы жизнь – нежизнь и в психологии – при решении проблемы тело – разум. Во второй книге «Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)» разработка понятия *онтологическая сила* позволила вскрыть феномен прогресса в обществе и сформулировать два фундаментальных начала общественного развития. И как я обещал читателям, в следующей работе сила и прогресс должны были стать главными героями в исследовании мировых отношений.

Я собирался анализ этой темы вместить в одну книгу, аналогично прежним, но не тут-то было. Поначалу идея была довольно простой. Поскольку у меня самого было написано немало по теории международных отношений, я намеревался проверить свое новое понимание силы и прогресса на своем же материале, а также на нескольких работах современных авторов. Но к своему удивлению, я обнаружил очень большое количество исследований, которые пробудили во мне желание подвергнуть их критике. Причем это касается не только ученых консервативного направления, но в неменьшей степени из так называемого левого лагеря, которых нередко именуют неомарксистами.

В старые добрые времена, когда я писал статьи по теории международных отношений, я не понимал истоки воззрений различных школ, скажем, «политических реалистов» в США. И только сейчас, когда в моду вошло изучение тех или иных направлений в теории международных отношений на основе анализа их философских учителей, многое стало ясно. Но для освещения этой ясности мне понадобился «лишний» том, который и предвещает все исследование.

В результате объем исследования разросся до пяти томов и охватывает практически все основные проблемы мировых отношений, которые обсуждаются теоретиками и международниками ведущих стран мира. Поскольку мне пришлось обработать колоссальный массив научной литературы и, соответственно, его систематизировать, стало вырисовываться нечто, напоминающее науку, которую я назвал Мирологией – Наукой о мире. Подробнее об этом читатель может прочесть во Введении.

Обычно такого типа работы пишутся коллективом авторов, иногда целыми институтами. Я же писал один, без помощников, без консультантов и советчиков. В этом заключается принципиальная позиция, связанная с моим глубоким убеждением, что коллектив авторов в принципе не в состоянии создать целостную науку, поскольку каждый из авторов знает только собственный фрагмент исследовательского поля. Мне не приходилось встречаться ни с одной коллективной работой по теории международных отношений, в которой был бы хотя бы намек на целостное восприятие международных реальностей, не говоря уже о понимании общего направления развития всей мировой системы. С подозрением я отношусь и к «ценным советам» в ходе написания той или иной работы, за которую обычно авторы благодарят своих коллег и друзей. Я не могу представить, чтобы Спиноза, Декарт, Гоббс, Кант, Гегель и другие аналогичные величины прислушивались к советам своих «коллег». Те же, кто прислушивается, исчезают в небытии.

В написании данной работы я столкнулся с любопытным феноменом. Дело в том, что я русский по происхождению и советский по воспитанию. То есть моей родиной был Советский Союз. После распада СССР я переехал на Запад и стал гражданином Канады. Но психологически не ощущаю себя человеком западного мира. И хотя тип моего мышления формировался именно западной культурой и философией, прежде всего немецкой, я не могу сказать, что я

западный исследователь. Точно так же я не могу называть себя российским исследователем. К какой стране себя отнести, я не знаю и поэтому при анализе работ тех или иных ученых пишу «российские ученые» или «западные ученые», не относя себя ни к тем, ни к другим.

Данное сочинение с самого начала предназначалось двум аудиториям: в России и на Западе. И в этой связи возникла проблема лексикона. Совершенно понятно, что лексический аппарат российских ученых отличается от терминологии западных ученых. Скажем, если для российских ученых, по крайней мере для тех, кто я еще не забыл марксистскую терминологию, слова *базис*, *надстройка*, *формация* и т. д. являются понятными, то для западных, большинство из которых не владеет такой терминологией, они совершенно непонятны. И наоборот, западнику не надо объяснять, например, слово *рефлексивизм*, а российскому надо. Но даже одно и то же слово, скажем, эпистемология, по-разному понимается в двух мирах. Поэтому мне приходилось разъяснять такого типа слова не без опасения, что это может вызвать раздражение у тех, кто знаком с ними. Заранее прошу извинить.

Сразу же хочу предупредить читателя о стиле изложения в связи с политкорректностью. Об этом я много раз писал в предыдущих работах. Есть смысл повторить и здесь. В отличие от всех российских ученых я не употребляю множественное число типа «мы», «нам представляется», «мы предлагаем» и так далее в том же духе. Хотя такая форма и является старой традицией так называемого научного языка, я ее категорически отвергаю как неосознанную попытку уйти от ответственности за сказанное и написанное. В англоязычной научной среде эта традиция, к счастью, нарушена. И я среди нарушителей.

Большая часть данного труда посвящена критике работ ученых по различным темам. Критика по определению не может быть беспристрастной. Поиск истины происходит на фоне борьбы мнений, представлений, теорий, за которыми стоят конкретные лица со своим темпераментом и политическими или идеологическими предпочтениями. Нынешняя политкорректность, получившая распространение на Западе, особенно в США, где-то с конца 1990-х годов, пытается свести эту борьбу к общепримирующему «консенсусу» братьев по разуму, призывая к «толерантности», т. е., говоря по-русски, к терпимости и уважению «чужих мнений». Казалось бы, благородная цель. Но эта цель лишила науки боевого духа. Помимо словесной преснятины, она, допуская любые мнения, фактически стала поощрять возрождение лженауки. И самое важное – лишила науку ее главного предназначения, коим является поиск истины. Поскольку плюрализм мнений, на чем настаивают некоторые исследователи, и есть смысл науки. Все мнения важны, все довольны. В дураках остается только истина. И кстати сказать, сам язык. Если в спорах убрать слово *stupid* и его синонимы, из английского языка исчезает сразу около 260 слов.

Я не «толерантен» и не политкорректен. Это не значит, что мой текст изобилует какими-то оскорблениями или ярлыками. Просто каждый исследователь получает оценку в соответствии с тем вкладом, какой он внес в реальную науку.

И еще о языке с другого угла зрения. Хотя моя работа является научным исследованием, я стараюсь избегать наукообразного изложения. Она отличается от современных работ по философии, политологии и социологии, которые изобилуют псевдонаучной терминологией. В особенности этим грешат российские научные сотрудники, ни один из текстов которых не обходится без таких слов, как «дискурс», «паттерн», «анимия», «ретриты», «менталитет», «идентичность» и т. п. Хотя этот околонуточный англоязычный убивает русский язык, они этого не замечают. И не понимают, что если мысль искажает родной язык, то в ответ такой язык искажает мысль.

Это не означает, что я непримиримый противник иностранного лексикона в русском тексте. Представленная работа охватывает различные научные дисциплины, каждая из которых действительно имеет свою устоявшуюся терминологию. К примеру, придуманное Т. Куном слово «парадигма» трудно заменить на русский эквивалент, и вряд ли это нужно делать. В

теории международных отношений прочно закрепилось слово «актор», который к тому же дает смысловую нюансировку в сравнении со словами «субъект», или «агент» международных отношений. Мне не нравится слово «когнитивный» в психологии (ему есть адекватное русское слово – познавательный), но оно тоже «въелось» в науку. Я негативно отношусь только к тем словам из англоязычного, которые легко передаются русским языком. Тот же самый «менталитет» передается словом «умострой», а «идентичность» – словами «самобытность», «самовосприятие». В тех же случаях, когда мне приходилось изобретать слова для новых понятий или категорий, я предпочитал обращаться непосредственно к греческому или латинскому языкам.

Поскольку в данной работе очень много говорится о теории международных отношений, то, как обычно в такого типа книгах, в целях экономии пространства эти три слова передаются аббревиатурой ТМО. Если же речь идет не о научной дисциплине, а о реальных международных отношениях (МО), тогда аббревиатура МО обычно не используется, за исключением тех мест, где это словосочетание повторяется слишком часто.

Несколько слов о содержании работы. В первом томе (книга 1) анализируются философские основы всевозможных ТМО, их науковедческая база. А также мои формулировки (книга 2) наиболее важных понятий и категорий (наука, сила, прогресс), которые в дальнейшем станут инструментами познания явлений, имеющих отношение к международной тематике. Во втором томе (книга 1) предлагается критический анализ работ теоретиков-классиков ТМО и современных авторов различных направлений и стран. В этом же томе (книга 2) я предлагаю решения многих проблем, которые до сих пор дискутируются в рамках ТМО. Третий том (книги 1 и 2) – это уже синтез понятий и категорий, сбор их в одну систему координат, своего рода «дерево», состоящее из взаимосвязанных терминов, понятий и категорий, которые позволяют на научной основе делать анализ и прогнозы мировых отношений. Четвертый том – политэкономия мировых экономических отношений. Наконец, пятый том (книги 1 и 2) – это, с одной стороны, анализ мировых проблем, или, точнее, мировых противоречий, которые являются движущими силами всей системы мировых отношений, а с другой – попытка прогноза движения мировых отношений до середины XXI в. Конечной же целью моего сочинения является превращение ТМО как научной дисциплины в науку Мирологию.

Сразу же хочу предупредить читателя. Предложенный труд, несмотря на доступный язык, не является легким чтением. Для достижения поставленных задач было привлечено множество научных дисциплин, каждая из которых сама распадается на ряд всевозможных направлений. Поначалу я собирался работать на поле ТМО, международных отношений, политологии, социологии и политэкономии. Но вопреки моим первичным намерениям, я вынужден был втянуться в философию, международное право, науковедение, культурологию, религию, информатику, психологию, языкознание. И я, конечно же, представляю, что не каждый читатель знаком с названными науками одновременно. Но для того, чтобы усваивать любые тексты в сфере гуманитарных наук, достаточно овладеть навыками философского мышления, желательно на текстах Гегеля. Даже изучение его учебника для гимназий – «Философская пропедевтика» – может облегчить чтение любой научной литературы из дисциплин, упомянутых выше. Если же кто-то одолеет «Науку логики» Гегеля, тогда ему не страшен даже «Капитал» Маркса.

Суть в следующем: если читатель не обладает навыками абстрактного мышления, не знаком с фундаментальными философскими понятиями и категориями и у него недостаточно усидчивости, чтобы освоить диалектические азы философии, ему не стоит терять время. Эти книги не для него. Они для тех, кто пытается познать сущность мировых отношений без идеологических и пропагандистских клише, для тех, кто пытается понять, куда движется мир и как выводятся законы, которые его движут. Задача не из легких. Но познавать мир никогда не было легкой задачей.

И последнее. Выше я отметил, что у меня не было ни советников, ни помощников в написании данного труда. Это не совсем так. С самого начала эпопеи вдохновителем была моя

жена, Валентина Бэттлер, которая поначалу вынудила меня взяться за «Диалектику силы» и до сих пор не дает покоя и явно не даст, пока я не закончу весь цикл, посвященный прогрессу и силе. Ее роль не ограничивается только лишением меня спокойной жизни. Она осуществляет первоначальное редактирование чуждого ей текста, а также всю подготовительную и шлифовочную работу, поддерживая мое «техническое» и физическое состояние как человека, не способного к бытовой жизни. И это при всем при том, что сама она является выдающимся художником, поэтом и критиком. Чтобы читатель мог оценить ее художественные качества, я поместил в этом томе ее картину («Диалог Фауста и Мефистофеля»), которая по своему содержанию имеет отношение ко всему написанному мною.

Слова благодарности были бы слишком незначительны для оценки вклада Валентины в данную монографию. Могу только сказать, что без ее участия не было бы ни этой книги, ни других.

Все свое научное творчество, включая и данный труд, я посвящаю своей жене – Валентине Бэттлер.

Алекс Бэттлер

Нью-Йорк, июль 2013 год

Введение: предмет исследования

Те, кто занимается теорией международных отношений, сталкиваются с проблемой определения самого предмета исследований. Казалось бы, чего проще, предмет исследования – международные отношения. Но сразу же возникают вопросы: чем международные отношения отличаются от мировых отношений? Входят ли в сферу этих отношений экономические отношения? Или наоборот, входят ли в мировые экономические отношения международные, имея в виду, что главными субъектами международных отношений являются государства. А как быть с отношениями в областях культуры, спорта и многими другими, которые тоже вплетены в ткань мировых отношений? Возникают также вопросы, какова разница (и есть ли она вообще) между международной *политикой* и международными *отношениями*, между международной политикой и внешней политикой того или иного субъекта?¹ Можно и дальше задавать аналогичные вопросы, которые парализуют ответ относительно предмета исследования.

Существует вопрос и другого рода: являются ли международные отношения сферой науки или, как минимум, самостоятельной научной дисциплиной? И если да, то в каких отношениях эта наука находится с социологией и политологией? Вопросы неспроста, поскольку и та и другая область знаний анализируются на базе одних и тех же терминов, некоторые из которых рассматриваются как понятия (сила, власть, интересы, безопасность и т. д.). Проблемы смешения понятий довольно часто возникают при наложении или пересечении наук. Как известно, в западной науке предмет «Международные отношения» изучается как ответвление политологии. Кэн Бут, например, полагает, что «политология может серьезно изучаться только как ответвление политики в глобальном масштабе. Мировая политика является домом политической науки, а не наоборот. Кант был прав: политическая теория должна быть международной теорией»².

Другие же ученые придерживаются противоположного мнения: наоборот, именно теории международных отношений являются частью политологии. А некоторые полагают – социологии. Единогласия по названным проблемам нет.

Не существовало их и лет тридцать назад, когда я впервые столкнулся с названными проблемами. В то время я собрался написать книгу по теории международных отношений. Как и многие международники-теоретики, я тут же запутался в определениях, упомянутых выше, а также во множестве других, типа что такое *сила* в международных отношениях, есть ли разница между *силой* и *мощью* и т. д. Изучив немало работ по теории международных отношений, я понял, что в рамках политологии, социологии и международных отношений не найду ответов на эти вопросы. Ответы надо искать на другом, философском, и не просто философском, а онтологическом уровне. Иначе меня ждет судьба всех теоретиков, которые до сих пор так и не выбрались из понятийно-категориальной путаницы. Мне пришлось предварительно изучить важные явления, без которых невозможно было бы обратиться непосредственно к международным отношениям. В результате были написаны монографии «Диалектика силы» и «Общество: прогресс и сила», после которых многое мне стало понятным.

Правда, я думал, что за это время «многое стало понятным» и другим теоретикам международных отношений. Начал изучать современную литературу и крайне удивился тому, что в ней до сих пор обсуждаются проблемы 30-летней давности. Хотя кое-какие новшества все-таки появились. Прежде всего, уже ни одна работа не обходится без слова *глобализация*. Благодаря неутомимости женщин, отстаивающих свои права, появилось еще одно течение – *феминизм*

¹ Такого типа вопросы задаются во введениях практически ко всем книгам по теории международных отношений. Например, см.: Burchill (et al.). Theories of international relations, p. 5.

² Booth and Smith (eds.). International Relations. Theory Today, p. 340.

е теории международных отношений. Старые же классические школы обогатились за счет приставки нео: неолиберализм, неореализм. Эти «нео» в какой-то степени отражают нюансы, которые внесли ученые в свои теории в результате распада биполярной системы и возникновения однополярной. Появились новации и в старом споре о границах между внутренней и внешней политикой – поставлен вопрос: брак между гражданами разных стран это акт международных отношений или нет? Следующим этапом, не исключая, будет анализ того, является актом международных отношений избиение иностранца либо драка между фанатами из различных стран или это все-таки войдет в раздел местной криминальной хроники.

Когда я просматривал современные работы по международным отношениям и сравнивал их с работами 20–30-летней давности, у меня невольно закрадывалась мысль: а не являются ли подобные детализация и фрагментация сознательным актом с целью искусственного сохранения проблем, которые можно обсуждать бесконечно, обеспечивая себе безбедное существование? Неужели, подумал я, Наум Чомски был прав, когда писал: «Интеллектуалы делают карьеру, пытаясь простые вещи сделать сложными, поскольку это является одним из способов получать зарплату и т. д.»³. Подозреваю, во многих случаях это так и есть.

Как бы то ни было, благодаря тому, что практически все проблемы теории международных отношений до сих пор оказались нерешенными, я осмелился написать труд, в котором сделана попытка не просто ответить на постоянно обсуждаемые проблемы-вопросы, но и сконструировать некий каркас науки, которую я обозначаю на русском языке термином *мирология*, т. е. наука, или учение о мире. На английском языке она будет называться *worldscience*, на немецком – *Weltlehre* или *Weltwissenschaft*⁴, на японском и на китайском предположительно *sekai kagaku* и *shijie kexue*.

Поначалу у меня было искушение назвать предмет мировидение по аналогии с немецким *Weltanschauung*, но такое название предполагало бы простую созерцательность происходящего на мировой арене. «Видеть» – это все-таки не наука. В результате предмет исследования я определяю следующим образом: *мирология – это наука о мире, изучающая все явления и закономерности, происходящие на мировой арене, и отвечающая на один вопрос: в каком направлении движется человечество?*

Эта наука опирается на различные научные подразделения, хотя и взаимосвязанные между собой, но имеющие свою исследовательскую нишу, в которых вскрываются специфические законы, касающиеся судьбы всего человечества. Среди таких подразделений можно назвать науковедение, демографию, культурологию, экологию и др.

Сразу же есть смысл оговорить два важных качества, отличающие мирологию от других наук. Разграничение, или классификация наук не простое дело. Ею занимались крупные философы, начиная с Аристотеля, римский энциклопедист Марк Варрон, средневековый мыслитель Гуго Сен-Викторский, Роджер Бэкон, Френсис Бэкон, занимаются ею и современные науковеды. Классификация наук различается в зависимости от как исторического времени, так и конкретных стран. В настоящее время количество наук в области обществоведения (плюс гуманитарные науки) варьируется от 20 до 25, но среди них нет науки о мировых, или международных отношениях. И ее не может заменить социология, которую, как уже говорилось, некоторые распространяют и на международные отношения.

Чтобы понять, чем отличается социология от мирологии, надо выяснить, что такое социология. Определений много, но здесь воспроизведу определение авторитетного социолога Энтони Гидденса. Оно короткое: «Социология – это наука о социальной жизни групп и сообщ-

³ *Understanding power. The Indispensable Chomsky*, p. 211.

⁴ Следует, правда, отметить, что один из немецких теоретиков-международников, Матиас Альберт, также вовлечен в создание науки под названием *Wis sense haft vom Globalen* (досл. – наука о глобальном, нечто типа научной глобалистики). О нем см.: *Holden. The state of the art in German IR*.

ществ людей»⁵. В мирологии же речь идет *о жизни человечества*. В этом главное ее отличие. Но не только.

Осями координат мирологии являются категории *сила* и *прогресс* в системе мировых отношений. И первый и второй термин среди теоретиков имеет множество интерпретаций, которые будут проанализированы в соответствующих разделах. В связи с этим важно проследить, в каких явлениях мировой системы обнаруживает себя онтологическая сила и движется ли мир по пути прогресса. Я предполагаю строить свой подход главным образом через анализ политэкономии мировых отношений. Причина такого принципа будет ясна в дальнейшем. Здесь же хочу отметить еще один момент.

Некоторые теоретики определяют политэкономия международных отношений как одну из составных частей общей теории мировых отношений. Я же исхожу из того, что все явления мировой истории являются отражением политики и экономики, которые соответствуют каждой отдельной эпохе и каждой человеческой общности, начиная с первобытных обществ до современных государств. Базовые сущности этих двух фундаментальных категорий можно проследить в любом явлении, даже в таком размытом, как *любовь*⁶. В данной конкретной работе областью использования этих двух категорий будут мировые отношения с анализом всех их элементов, которые определяют современное состояние этих отношений и их будущее, по крайней мере на глубину до середины века. Детальное объяснение контура предмета исследования будет сделано в соответствующем разделе на фоне критического анализа взглядов оппонентов данного подхода.

Сразу же хочу оговориться, что многие фрагменты, включенные в эту работу, были разбросаны у меня в различных статьях и монографиях. Но поскольку я не уверен, что эти работы доходили до читателя, держащего данный труд в руках, я вынужден был вновь собрать их и воспроизвести некоторые из них в соответствии с логикой построения данной монографии. В частности, это относится к описанию категории *силы* на онтологическом, органическом и общественном уровнях. Это же касается понятия прогресса и двух начал (законов) общественного прогресса, разобранных мной в монографии «Общество: прогресс и сила». Повторяю я и критический разбор подхода некоторых школ к понятиям *сила* и *интерес*.

В целом же идея данной монографии заключается в том, чтобы, выражаясь термином А. Богданова, попытаться «организовать» науку о мире, которая должна обладать всеми качествами, требуемыми для выделения определенной области знаний в разряд науки.

Я отдаю себе отчет в том, что наука не создается одним человеком и в короткое время. Любая наука складывается на протяжении многих лет, иногда и столетий, пока накопленные факты, теории, закономерности в той или иной области не наберут определенную «массу» (это прежде всего категориально-понятийный аппарат), которая позволяет утверждать: появилась новая наука. Никто не укажет конкретную дату возникновения физики, химии, биологии, экономики и т. д. Но любой историк науки может обозначить ту или иную научную величину, вклад которой и провоцирует скачок в превращении дисциплины в науку. Иоганн Кеплер – астрономия, Галилео Галилей и Исаак Ньютон – механическая физика, Карл Маркс – экономика, Норберт Винер – кибернетика и т. д.

В этой связи необходимо сделать еще одно замечание. Некоторые теоретики, скептически относящиеся к возможности формирования науки о мире, путают науку с теорией. Так, американка Джин Беске Эльстайн с присущей женщинам эмоциональностью полагает: «я считаю, что не может быть создана великая, формализованная, универсальная теория международной политики... сами поиски всеохватывающей теории сомнительны»⁷. Социолог права в

⁵ Гидденс. Социология, с. 17.

⁶ Бэттлер. О любви, семье и государстве.

⁷ См.: Booth and Smith (eds). International Relations. Theory Today, p. 271.

том смысле, что нет ни одной универсальной теории, которая покрывала бы всю науку. Более того, не только теория, но и сама наука не может быть универсальной, объясняющей все и вся. Подобного типа скептицизм вызывается тем, что очень многие исследователи не очень понимают функциональной роли тех или иных методов познания, включая один из них – теорию.

Есть смысл сразу же информировать читателя о том, что все мое исследование строится на базе гносеологии, или эпистемологии, разработанной классиками марксизма-ленинизма. Другими словами – на основе марксистско-ленинской теории познания. Я прекрасно осознаю, что таким заявлением сразу же резко сокращаю количество потенциальных читателей, особенно в странах развитого капитализма, поскольку здесь идеология всех видов общественных наук строится как раз на противостоящих марксизму философиях, которые в конечном счете вытекают или упираются в идеализм и религию.

Многим такое заявление может показаться особенно вызывающим или, как минимум, непродуманным именно в наше время, когда совсем недавно марксизм-ленинизм с треском провалился вместе с распадом СССР и стран социалистического содружества в Восточной Европе. Действительно, буржуазные ученые всех стран с нескрываемым удовлетворением объявили о «коллапсе» не только «коммунизма», но и всей марксистско-ленинской идеологии, на которую этот «коммунизм» опирался. Это событие продемонстрировало, по словам Криса Брауна, «очевидную несостоятельность марксизма»⁸. Постоянно повторяется мысль, что исследования на основе марксизма были неглубоки и поверхностны. В ответ на это сразу же напрашивается вопрос: чем концепции «неореализма» или «неолиберализма» в рамках теории международных отношений глубже идей марксистов? Или идей любой другой школы, исследующей международные отношения? Практически все теоретики и вообще исследователи-международники признают, что ни одна из школ так и не сумела создать стройную науку о международных отношениях.

Утверждения о «несостоятельности» марксизма имели бы хоть какой-нибудь смысл, если бы противники этой теории изучали работы Маркса, Энгельса или Ленина. Фактически ни один из них не удосужился проштудировать ни «Капитал», ни «Диалектику природы», ни «Материализм и эмпириокритицизм». В какой-то степени для теоретиков международных отношений это извинительно, поскольку, действительно, ни Маркс с Энгельсом, ни Ленин не занимались теорией международных отношений, у них нет специальных работ на эту тему. На это обратили внимание и некоторые западные исследователи марксизма, в частности английский международник Бэри Джиле, который справедливо писал: «Карл Маркс никогда в полном объеме не исследовал международные отношения как таковые, и это, возможно, является его единственным величайшим упущением во всем массиве его работ»⁹. На это указывают и другие ученые из Англии. Так, в своей довольно обширной монографии Вера Кубалкова и А.А. Крукшанк писали: «Основная причина трудности в изучении идей Маркса в области международных отношений, кажется, заключается в том, что он уделял им весьма малое внимание... Наверное, можно сказать, что идеи Маркса по данному предмету никогда не были сформулированы и собраны в одном месте»¹⁰. Если с последним утверждением можно согласиться, то первое не совсем верно, поскольку Маркс и Энгельс писали немало на тему внешней политики, к примеру, Великобритании или царской России. Другое дело, у них нет, я подчеркиваю, *специальных* теоретических работ по международным отношениям. Но марксизм не случайно в XX веке стал называться марксизмом-ленинизмом, что отразило теоретический и практический вклад Ленина в теорию марксизма. Его работы по империализму непосредственно затрагивают сферу мировых отношений. И если классики теории международных отношений, такие

⁸ Ibid., p. 101.

⁹ Gills. Historical Materialism and International Relations Theory, p. 1.

¹⁰ Цит. по: Gills, p. 4.

как Ганс Моргентау или Кеннет Уолц, хотя и критически, но вовлекали ленинские работы по империализму в свой анализ международных отношений, то современные теоретики игнорируют их, возможно, даже и не зная о них.

Оставим классиков в покое. Но ведь западные теоретики, за крайне редким исключением, говоря об «упрощенности» марксизма в анализе международных отношений, не читали работ и советских марксистов-теоретиков международных отношений. Что мне придется подтвердить на фактах.

И тем не менее вопрос действительно актуальный, если поставить его в таком ключе: сохранилось ли в современном мире значение терминов *буржуазная* и *марксистско-ленинская наука*?

А в этой связи есть смысл поставить вопрос еще шире: а вообще сохранились ли марксистское мировоззрение и марксистская наука, существуют ли они где-нибудь в принципе, коль произошел коллапс «коммунизма»? Очень многие буржуазные ученые, как ни странно, особенно в России, полагают, что таких мировоззрения и науки уже нет. При этом почему-то от их внимания ускользает такая держава, как Китай, народ которой, как записано в его Конституции, «в своих действиях руководствуется марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина». И научные работы по обществоведению, в том числе и в области международных отношений, базируются главным образом на указанных идеологических основах, хотя и с привлечением некоторых модных идей из арсенала западных теорий международных отношений.

Исследователям, претендующим на объективность, не следуют упускать из виду, что поскольку существуют капитализм и социализм (последний не только в КНР, но даже и внутри некоторых капстран), следовательно, существуют и идеологи той и другой формации, каждая из которых пытается научно обосновать объективную правомерность «своей» системы.

Любой человек, соприкоснувшийся с обществоведческой литературой, легко распознает мировоззренческую позицию автора, которая в XX веке четко определялась двумя идеологическими подходами: буржуазным и марксистским. Понятно, что на буржуазных позициях стояли преимущественно авторы капиталистического лагеря, на марксистских – социалистического. Правда, это в принципе не исключало «ренегатов» в той и другой системе. После распада социалистического содружества в конце XX века количество марксистов-обществоведов в мире поубавилось, если не считать громадное количество марксистов в Китае, которые исповедуют марксизм с сильно окрашенной «китайской спецификой». «Поубавилось» не означает, что они вообще исчезли или исчезла марксистская наука. В свое время после поражения первых буржуазных революций на Западе буржуазные идеологи и ученые продолжали освещать «свет будущего», т. е. капитализма, так и современные марксисты продолжают развивать свои теории, извлекая уроки из поражений государств, развивавшихся на базе марксизма-ленинизма.

Другими словами, и в XXI веке сохраняется качественная мировоззренческая разница между учеными – адептами капитализма и учеными – приверженцами коммунизма. Сохраняются и их базовые научные методологии, определяющие процесс познания окружающего мира. В основе любого мировоззрения обычно лежат некие представления о мире, которые в обобщенном виде концентрируются в философии. Последняя так или иначе оказывает воздействие на умустрой ученого, даже когда он сам этого и не осознает. Данное утверждение хорошо прослеживается и на взглядах буржуазных ученых, занимающихся теориями международных отношений.

При подготовке данной монографии я обращался к работам многих авторов из различных стран, но главным образом США и Великобритании, поскольку именно в этих странах теория международных отношений получила наибольшее развитие. Неслучайно исследователи Германии, Франции, Японии и некоторых других стран также опираются на авторов англосак-

сонского ареала, с которыми они ведут спор по одним и тем же проблемам. По-иному обстоит дело с учеными из КНР. Их теории четко вытекают из формулировок партийных документов ЦК КПК или очередных съездов партии. Споров среди них почти нет, есть «установки», которые не просто расшифровать, не зная нюансов китайской научной кухни. В соответствующем месте я попробую это сделать.

Будучи родом из СССР, я не могу не отреагировать на работы ученых-теоретиков из современной России, а также на труды советских ученых, являвшихся значимыми фигурами в исследованиях по международным отношениям. Поскольку Запад не только не переводил советских работ по данной тематике, но и не обсуждал эти работы, даже в критическом варианте, то я вынужден буду воспроизвести некоторые споры, которые я сам вел, например с таким крупным теоретиком, каковым является Э.А. Поздняков. Что удивительно, тема этих споров до сих пор остается актуальной и на Западе.

План задуманной обширной работы представляется следующим:

Том I. Введение в мирологию

Книга 1. Философия мирологии

Книга 2. Онтологические и гносеологические основы мирологии: сила и прогресс

Том II. Мирология: борьба всех против всех

Книга I. Теории международных отношений (критика)

Книга 2. Проблемы теорий международных отношений и их решения

Том III. Мирология: становление науки

Книга 1. Формирование и реализация внешней политики (понятия и категории)

Книга 2. Мировые отношения (понятия и категории)

Том IV. Мирология: политэкономия мировых отношений

Том V. Мирология: куда движется человечество?

Книга I. Основные проблемы мировых отношений

Книга 2. Опыт прогноза мировых отношений до середины XXI века

Хочу предупредить читателя о том, что этот план может измениться в ходе написания или дополнения тем к основным частям работы по чисто научным причинам или в зависимости от внешних обстоятельств, связанных с различными жизненными перипетиями, которые трудно предусмотреть заранее. Во всяком случае, на момент издания первых книг о науке Мирологии, план таков.

Я осознаю, что этот труд вызовет неприятие как со стороны буржуазных теоретиков, так и тех, кто причисляет себя к неомарксистскому крылу, или, шире, к левым течениям в теориях международных отношений. Прекрасно! Я готов выслушать все суждения, если они будут оплодотворены научным содержанием. И с удовольствием готов ответить на такую критику. Если же эта критика будет носить чисто идеологический, пропагандистский характер, она тоже не останется без ответа, адекватного стилю и формам критикующего. Мои научные учителя

рекомендовали мне уважать своих научных врагов и не щадить идеологических. Я хорошо усвоил их рекомендации.

Книга 1

Философия мирологии

Глава 1. Философские основы теорий международных отношений

1. Классики прагматизма и позитивизма

Почти с самого начала изучения теории международных отношений мне бросилось в глаза не только наличие множества школ и направлений, но и мелкотемье проблем, которые ими затрагиваются. Некоторым же вопросам, решение которых вообще не требует никаких интеллектуальных усилий, например проблеме «субъектности международных отношений», придается настолько гипертрофированное значение, что возникает впечатление, будто от их решения зависит чуть ли не судьба всего мира. Долгое время я не понимал, почему это происходит, пока некоторые работы не стали предвлекать философскими рассуждениями при обосновании последующей позиции по тем или иным проблемам международных отношений. Только тогда я сообразил, откуда растут ноги указанного явления и почему все теоретики любят ссылаться на Канта и крайне редко – на Гегеля.

Несмотря на множество школ и течений в США, все они попадают в разряд буржуазной идеологии, которая взращивалась на идеях классиков американского прагматизма и позитивизма. В первую очередь Чарльза Пирса, Вильяма Джеймса, Джона Дьюи. И хотя после них появилось много новых имен – например, Мэри Калкинс (персонализм), Рой В. Селларс (эволюционный натурализм), Сидней Хук (прагматист-инструменталист), Кларенс И. Льюис (концептуальный прагматизм) и др., в своих фундаментальных положениях «наследники» недалеко ушли от «отцов-основателей». Их философия покоится главным образом на здравом смысле, без гегелевского «бреда» (=диалектики). Такой подход очень понятен простому американцу, который не только прагматик по натуре, но в душе еще и мистик, постоянно соприкасающийся с богом. В соответствии с философией Пирса, которая как нельзя лучше отвечала подобным свойствам американца, в природе причинно-следственных связей не существует, а есть «произвольная детерминация и случайность»¹¹. В основе логики и действительности у прагматика лежит нечто, которое, естественно, непознаваемо. А познаваемо то, что находится в сфере непосредственного наблюдения.

Вильям Джеймс тем же самым идеям, которые Пирсом были изложены в неясных и расплывчатых словоупотреблениях, придал отчетливую словесную четкость. Основную идею Джеймса, что есть истина с точки зрения прагматизма, его последователь Мортон Уайт в концентрированной форме сформулировал следующим образом: «Истинно то, во что мы должны верить; то, во что мы должны верить, – это то, во что нам выгодно верить; следовательно, истинно то, во что нам выгодно верить»¹². В целом Джеймс истинность отождествил с полезностью, полезность с выгодой¹³. Если же копнуть в глубины его философии, то в конечном счете получится классический субъективный идеализм, выраженный генеральной идеей: существо-

¹¹ Непредсказуемость случайности впоследствии очень хорошо легла в теорию синергетики Пригожина, которая стала одним из популярных подходов, рекомендуемых и для ТМО.

¹² Цит. по: Богомолов. Буржуазная философия США XX века, с. 292.

¹³ James. Pragmatism. In writings 1902–1910, p. 574–5.

вать – значит быть воспринимаемым. Да здравствует епископ Беркли! Правда, в отличие от Беркли американцев сама проблема воспринимаемой истины все-таки больше волновала через призму выгоды. Английский философ Морис Корнфорт справедливо замечает:

Джеймс и прагматисты никогда не утверждали, что истиной каждый может считать все, что угодно. Они говорили, что истинным можно считать все то, что *окупается*. В счет идут определенные и осязаемые результаты и результаты, обладающие «наличной стоимостью». Прагматический «идеализм действия» внушает то, что Джеймс называл «нашей общей обязанностью делать то, что окупается»¹⁴.

Сила же самого Джеймса, как удачно подметил советский философ А. Богомолов, заключалась в том, что он «как никто до и после него, возвел в ранг глубочайших философских истин обыденные представления обыденного сознания американской буржуазии»¹⁵.

Известный американский историк и психолог Стюарт Хьюз обращает внимание на другую сторону прагматизма. В главке «Десятилетие 1890-х годов: протест против позитивизма» он пишет: «„Антиинтеллектуализм“ фактически был эквивалентен джеймсианскому прагматизму»¹⁶. «Уникальная ирония, – продолжает автор, – заключалась в том, что то, что началось как ультраинтеллектуальная доктрина, стало фактически философией радикального антиинтеллектуализма» (с. 39). Несмотря на противодействие «интеллектуалам», философия прагматизма распространилась во многих странах Европы и продолжала процветать в Новом Свете, в том числе и благодаря такому яркому ее представителю, как Джон Дьюи.

Правда, Дьюи больше скатывался к «инструменталистскому» крылу позитивизма, хотя большой разницы между прагматизмом и позитивизмом нет, поскольку в этом течении под другим ракурсом и в иных терминах утверждается та же самая идея: мир непознаваем, философские понятия не нужны, прогнозировать ничего не возможно и божественное надо познавать через божественное.

Последнее четко выражено персоналисткой Мэри Калкинс, которая, предварительно выразив согласие с Беркли, Юмом, Гегелем и Ройсом, Пирсоном и Махом, утверждала:

1. Вселенная содержит специфические духовные реальности... Я... присоединяюсь к большинству философов в утверждении, что существуют духовные субстанции, а следовательно, к оппозиции материалистическому, к сведению духовного к недуховному... 3. Вселенная не только включает духовные реальности, но «насквозь духовна по своему характеру, так что все реальное в конечном счете духовно, а следовательно, лично по своей природе»¹⁷.

Идею о невозможности предвидеть и прогнозировать будущее высказывали все философы из этого ряда, но наиболее четко ее выразил Отто Нейрат, который одну из своих статей заключает утверждением: «Все будет развиваться таким образом, который мы не можем сегодня даже предвидеть. Такова наша судьба»¹⁸.

В целом же идею позитивизма Морис Корнфорт выразил следующим образом: «Под позитивизмом я разумею такое философское течение, которое, соглашаясь с тем, что все зна-

¹⁴ Цит. по: Корнфорт. В защиту философии, с. 248.

¹⁵ Богомолов, с. 80–1.

¹⁶ Hughes. Consciousness and Society, p. 36.

¹⁷ Цит. по: Богомолов, с. 125.

¹⁸ Цит. по: Корнфорт, с. 155.

ния основаны на опыте, утверждает в то же время, будто знание не может отражать объективную действительность, существующую независимо от опыта»¹⁹.

Помимо различных форм идеализма всех этих философов (за исключением упомянутого Селларса) объединяет открытый или скрытый антимарксизм и антиматериализм. Это и понятно, поскольку сам процесс возникновения подобных идей был стимулирован именно борьбой против широко распространившегося в XIX веке антикапиталистического марксизма, а в XX веке – против враждебного западному миру Советского Союза. Как совершенно справедливо подметил американский философ-марксист Гарри Уэллс,

главным источником силы прагматизма является организованная сила класса капиталистов. Вся мощь государств, вся его сила, весь аппарат насилия, все средства общения стоят за спиной прагматизма²⁰.

Я не собираюсь здесь вдаваться в критический разбор обозначенных философских направлений, которые существуют под другими названиями в современной философии, тем более что в свое время они были весьма профессионально раскритикованы не только советскими философами, но и западными философами-материалистами, включая американцев (Г. Уэллс). Критиковать их было несложно из-за их методологической слабости и сущностной несостоятельности. Блестящим примером критики является работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин в пух и прах разбил европейских и русских эмпириокритиков Маха, Авенариуса, Освальда, А. Богданова, т. е. теорию эмпириокритицизма, родную сестру прагматизма и позитивизма. Стоит также отметить, что наиболее крупные ученые-физики начала XX века оценивали идеи эмпириокритицизма не менее негативно, чем Ленин и другие марксисты. Так, Макс Планк в одной из своих работ писал:

...ход мыслей передовых умов был бы нарушен, полет их фантазии ослаблен, а развитие науки было бы роковым образом задержано, если бы принцип экономии Маха действительно сделался центральным пунктом теории познания²¹.

И дело не только в махизме. Дело в несоответствии представлений о научной истине ее объективности как отраженной реальности, присущих даже таким великим ученым, как Людвиг Больцман, Альберт Эйнштейн, Макс Планк и др. Все виды позитивизма так или иначе являются вариантами идеализма. В этой связи понятно крайне негативное отношение физика Стива Вайнберга, лауреата Нобелевской премии, к философии. Очевидно, он сталкивался только с философией прагматизма или позитивизма.

Конечно, я не стал бы сейчас употреблять, говоря о прагматизме или позитивизме, привычные для того времени ярлыки типа «системы словесного надувательства», «схоластические упражнения», «главари современного позитивизма» и т. д. Эти философии, безусловно, отражали объективные реальности становления капитализма и тогдашнего империализма, их идеологию, но они отражали и определенный тип мышления, характерный для того или иного народа, не столь откровенно порожаемый базисными структурами общества. И речь не только о культуре мышления, но и о психологии человека, в душе которого всегда сохраняется тяга к мистике и загадкам. К тому же философия дает такой простор для интерпретаций, что из одного и того же суждения можно вывести различные умозаключения. Например, Дьюи утверждает: «Поиски достоверности становятся поисками метода достижения власти»²². Эту фразу можно интерпретировать как утверждение о том, что истинным (достоверным) является только

¹⁹ Там же, с. 3.

²⁰ Уэллс. Прагматизм – философия империализма, с. 258.

²¹ Цит. по: Чудинов. Природа научной истины, с. 55.

²² Цит. по: Корифорт, с. 218.

то, что в конечном счете узаконивается властью. Для философа-марксиста это звучит как ложное утверждение, поскольку истина/достоверность заложена в самой сущности/природе, а не во внешней воле. Но если не вдаваться в глубокие философские дебри, то прав Дьюи. Например, марксизм считался истинным в Советском Союзе и ложным в США. Как говорил один персонаж из платоновского «Чевенгура», «ваша власть, вам видней». Так что в утверждении Дьюи есть определенный прагматический смысл. Но я могу этот постулат интерпретировать как верный и с философской точки зрения. Власть (здесь Дьюи употребил слово *power*) может означать силу. Если некто нашел методы для достижения силы, а сила – это один из атрибутов бытия, т. е. онтобия, то путем достижения этой силы (которая в общественных отношениях проявляет себя в виде знания) постигнута достоверность/ истина в каком-то сегменте окружающего бытия. Что такое онтобия, будет сказано в специальном разделе. Здесь я хотел только подчеркнуть, что даже ложные философские течения или направления являются полезными, а иногда и весьма плодотворными. Например, позитивистская семантика породила семиотику, оказавшуюся крайне полезной для развития информатики и в целом кибернетики. Вот из каких «мыслительных глубин» рождаются многие идеи, которые чуть ли не целый век оплодотворяют ТМО.

В связи с философией позитивизма есть смысл отметить и такую вещь. Может сложиться впечатление, что позитивизм подвергался критике только в Советском Союзе и западными марксистами. Это не так. Он попал под огонь критики и современных теоретиков, неистово выступающих против школы «политического реализма», поскольку последний опирается на позитивизм. Для них позитивизм привязан только к реальности, только к фактам, только к природе, совершенно игнорируя историю, природу человека, общество. Обычно антипозитивисты состоят из ученых, пропитанных идеями Франкфуртской школы (Макс Хорхаймер, Теодор Адорно), а также Грамши и даже Маркса. Одним из таких ученых является канадский профессор Марк Нойфелд, который сам отстаивает теорию рефлексивизма, о чем речь пойдет ниже²³.

Завершая данный параграф, я хотел бы обратить внимание читателя на такой необычный факт. Молодые теоретики международных отношений, очевидно, не обременяя себя чтением трудов классиков позитивизма, воспринимают его весьма своеобразно. Например, австралийский теоретик Мартин Гриффите пишет:

Позитивизм – это философское движение, делающее упор на науку и научные методы как единственные источники знания, на острые различия между набором фактов и ценностями и отличающееся стойкой враждебностью в отношении религии и традиционной философии. Позитивисты верят, что существуют только два вида источников знания (как противовес мнениям): логические рассуждения и эмпирический опыт²⁴.

Если бы не дальнейшие рассуждения названного автора о целях знания и его места в системе науки и реальности, я подумал бы, что была описана марксистская наука. Конечно, это не так. Но важно то, что молодые ученые хотят видеть даже в позитивизме действительно научное, объективное, придавая эти качества даже тем «измам», которые ими не обладают. Это положительная тенденция в достижении научных истин.

2. Нео/постпозитивисты и другие

Хотя, как уже было сказано, о философских основах своих теорий международных отношений стали чаще писать сами теоретики, но в обобщенном виде взгляды современных тео-

²³ См.: Neufeld. The Restructuring of International Relations Theory.

²⁴ Griffiths (ed). International Relations Theory for the Twenty-First Century: An Introduction, p. 6.

ретиков представил американский ученый Патрик Джексон в весьма интересной монографии, которая так и называется «Руководство к исследованиям международных отношений: философия науки и ее применение для изучения мировой политики»²⁵.

Джексон указывает, что почти 90 % современных работ строятся на основе философии неопозитивизма без углубления в саму ее суть, а анализируя ее проявления через науковедческие понятия о том, что такое наука, какие цели она ставит и какие методологии и методы использует. Взяв за основу две координаты – методологию и онтологию как главный предмет исследования, он объединил различные направления в четыре группы: *неопозитивизм, аналитизм, критический реализм и рефлексивизм*. Здесь не важно, насколько обоснованным является подобное деление, важно отношение представителей указанных направлений к основам научной философии и их воззрения на ключевые категории философии и науковедения. Пройдемся коротко по обозначенным Джексонем направлениям.

Неопозитивизм. Автор сразу же указывает, что это направление является «отчим домом всей теории международных отношений», в особенности покрывающей такую область исследований, как проблемы демократического мира. Неопозитивисты, хотя довольно нейтрально относятся к проблеме истины-ценности эмпирических предпосылок, в то же время постоянно *оценивают* эмпирические феномены, включая и проблемы демократического мира. Это означает, что их методология носит оценочный характер, малосовместимый с научным, т. е. беспристрастным подходом. Такая методология обусловлена философско-онтологической позицией неопозитивизма, который по-своему решает старую проблему, когда-то поставленную еще Декартом: проблему дуализма разума-мира (*mind-world*)²⁶ и феноменализма. Как известно, у Декарта эта проблема решается в пользу разделенности разума (иногда говорят *сознания*) и мира. У неопозитивистов – аналогичный подход, который они, скорее всего, заимствовали у Карла Поппера, Томаса Куна или Имре Лакатоса (кстати сказать, их лексический арсенал довольно основательно вошел в словарь теоретиков международных отношений). Джексон приводит в этой связи одну цитату из работы Куна: «Понятия совместимости онтологической теории с „реальным“ миром в природе кажутся мне сейчас иллюзорными в принципе»²⁷. (В ранних работах ему так не казалось.) Тем не менее его разум в состоянии сконструировать некую доктрину, отражающую или по крайней мере соответствующую реальному миру. Но *понять* этот мир на сущностном уровне, по мнению Джексона, невозможно. В подтверждение этой мысли он приводит действительно красноречивую цитату из совместной работы трех неопозитивистов – Гарри Кинга, Роберта Козна и Сиднея Верба:

Неважно, насколько прекрасны были намерения (или планы), неважно, сколько информации мы собрали, не важно, насколько проникательный был наблюдатель, неважно, насколько прилежны научные ассистенты, неважно, как много раз мы осуществляли экспериментальный контроль, мы никогда не узнаем наверняка причинную суть наших умозаключений²⁸.

Обобщающий вывод Джексона таков: неопозитивизм привязывает знания к представлениям. Хотя знания и соотносятся с *миром, независимым от разума*, неопозитивизм тем не менее не утверждает, что знания восходят непосредственно к опыту взаимодействия с миром, но ограничивает знания теми объектами, которые мы можем понять. Другими словами, неопозитивизм требует способов создать мост над брешью между разумом и миром, признавая ограниченность знания в опыте.

²⁵ Jackson. The Conduct of Inquiry in International Relations: Philosophy of Science and its Implications for the Study of World Politics.

²⁶ В данном контексте под словом «мир» Декарт и последующие диспутанты понимали объективную реальность.

²⁷ Цит. по: Jackson, p. 55.

²⁸ Ibid., p. 66.

Этот вывод постоянно опровергается практикой хотя бы освоения космоса, которое было бы невозможно без знания множества фундаментальных физических и технических законов. Но у неопозитивистов свое видение мира, которое отделено у них от их сознания, что позволяет им конструировать в своем мозгу любые «миры», даже те, которых нет в реальности²⁹. В основе философии неопозитивизма лежат два постулата: разделение разума-мира и ограниченность знаний в сфере феноменального опыта.

Хочу сразу же подчеркнуть, что так понимает неопозитивизм Джексон. У других международников иная интерпретация позитивизма и неопозитивизма, с чем придется столкнуться впоследствии неоднократно.

Критический реализм. По мнению Джексона, критический реализм проявил себя в философских дебатах именно в последние несколько лет как бы в ответ на разговоры о бифуркации, которые, правда, были более популярны в 1980-е и начале 1990-х годов. Тогда вспыхнули «третьи дебаты» между сторонниками бифуркации и неопозитивистами, но, по выражению Иосифа Лапида, они носили характер «диалога глухих». Своего рода примирителем значительно позже пытался выступить Александр Вендт, хотя и с несколько необычных позиций. Точнее, позиция та же самая, идеалистическая, но с эмпирическим уклоном. А это уже прагматизм. Вендт крайне негативно отнесся к спорам гносеологического характера в сфере социальной науки, считая их просто потерей времени и утверждая, что ни позитивизм, ни научный реализм, ни постструктурализм ничего не скажут нам о структуре и динамике международной жизни. Философия науки не является теорией международных отношений³⁰.

Последней фразой он хотел сказать, что философия, точнее гносеология, вообще не нужна теоретикам международных отношений.

На самом же деле такая постановка вопроса, по мнению Джексона, и есть философская онтология, поскольку отделение знания о мире от самого мира ведет как раз к философской конструкции дуализма разума-мира (ibid., p.74). Но в данном случае «перевес» на стороне мира, который надо воспринимать как он есть, не гадая, *почему* он есть.

Другим моментом, позволяющим Джексону отнести Вендта к картезианским дуалистам, является отрицание феноменализма в пользу трансфактуализма. Последний, в толковании Джексона, означает «понятие чисто теоретического знания (достигнутого без опыта) и отражает способность постигнуть более глубоко причинные сущности (свойства), которые дают толчок (ведут) этим опытам» (ibid.).

Сама по себе концепция трансфактуализма противоречит эмпиричности Вендта, который больше доверяет фактам реальности, чем знаниям о них. Но этого противоречия, видимо, не замечают другие критические реалисты, которые, правда, не вступали в чисто философские споры, как Вендт. В частности, речь идет о Рое Бхаскаре, Маргарет Арчер и Марио Бунге. В центр их внимания попала «проблема ненаблюдаемости» (the problem of unobservables). Она проявляется, в частности, в следующем примере, приведенном Вендтом: «...социальные отношения, которые создают государства как государства, будут потенциально ненаблюдаемы» и поэтому потребуют «неэмпирического понимания систем структур и структурного анализа». Критические реалисты ухитряются эти объекты превратить в реальность (иначе рассыпается их базовая посылка эмпиризма). Вообще-то они, видимо, не замечая этого, затрагивают целый комплекс абстрактных понятий и категорий, давно разъясненных Гегелем. Но поскольку Гегель для них – «бред», посмотрим, как они решают эту задачу «наяву».

²⁹ Такой подход характерен для сознания ребенка, который наделяет игрушки (объект) человеческими качествами, т. е. не как объект, независимый от его сознания, а как объект, который сложился в его сознании. Другими словами, ребенок наделяет игрушки теми качествами, которыми они не обладают. В результате объект-игрушка превращается в то, что создано сознанием ребенка. Это и есть позитивизм.

³⁰ Цит. по: Jackson, p. 72.

В этой связи они приводят уже затасканный пример с Невидимом драконом, когда-то озвученный известным популяризатором космических чудес Карлом Саганом. Суть в следующем: какая-де разница между летающим драконом, который бессердечно изрыгает огонь, и невидимым, бестелесным, то есть вообще отсутствующим? Если у вас нет убедительных доказательств существования обоих драконов, тогда ответ на вопрос – разницы нет. Но неспособность опровергнуть какую-либо гипотезу совсем не означает, будто тем самым доказано, что она не истинна, то есть ложна. Утверждения, которые не могут быть проверены, или суждения, невосприимчивые к опровержению, являются действительно бесполезными, как бы они ни вдохновляли или вызывали ощущения чуда. И Саган при встрече с такими явлениями советует: И Саган при встрече с такими явлениями советует: «Я прошу вас просто поверить в это даже при отсутствии доказательств» (ibid., p. 78). В таком же ключе рассуждают многие критические реалисты.

«Тайна дракона» легко объясняется гегелевской диалектикой, взятой на вооружение марксизмом. Это взаимоотношения между бытийной и понятийной реальностями, или взаимосвязями между онтологическими категориями и общественными понятиями, а также их взаимосвязями и переходами. «Тайна дракона», так же как и тайна бога и всех других абстрактных понятий, давно решена в марксистской теории отражения, к которой я вынужден буду обратиться в соответствующем разделе.

Прежде чем дать объяснение феномену «невидимого дракона», следует посмотреть, как критические реалисты выходят из этой ситуации. Сам Джексон решает это так. С научной точки зрения эту проблему решить нельзя, поскольку нет способов подтвердить или фальсифицировать (по Попперу) его существование. И дело в том, что «дракон» необозреваем «в принципе», а не потому что мы его обзираем и не видим, и не потому что у нас нет специального аппарата для его обозрения. «Нечто в самой природе дракона, – пишет Джексон, – препятствует ему демонстрировать себя в реальности» (ibid., p. 79). Но, дескать, дракон – скажочный случай, а вот современная физика дает не менее странные варианты «делокализации» фундаментальных частиц в квантовых состояниях, а также частиц в вакуумной среде, указывает Джексон, ссылаясь при этом на Дэвида Бома. Сам Джексон, видимо, обескуражен. Он пишет:

Совершенно неясно, как независимые связи предполагают существование реальных, но ненаблюдаемых объектов; и еще менее ясно, как свойства (качества) и целостности, которые могут быть «постигнуты через концептуализацию», являться необозреваемыми совсем. Чтобы понять суть методологических последствий критического реализма, эти двойственности необходимо рассмотреть (ibid., p. 82).

И вот, оказывается, что выручает критических реалистов – метод вероятностного (абдуктивного) заключения (*abductive inference*). В отличие от индукции и дедукции, которые ведут к заключениям (имеется в виду к окончательным), «абдукция – это процедура сбора догадок, предположений», а по Вендту, «вероятностных объяснений из доступных фактов» (ibid., p. 83).

Такое открытие, конечно, не может не вызвать удивления, поскольку начальный этап любого научного исследования всегда сопровождается нечетко сформулированными концепциями или теориями, в которых больше догадок, чем утверждений. Советский науковед Э.М. Чудинов даже обозначил этот этап одним замысловатым словом «СЛЕНТ», к которому мы еще подойдем. Но в любом случае вероятностное заключение не решает проблему «дракона» и даже чудо-частиц. Хотя в последнем случае сам Джексон предлагает вариант, который все-таки позволяет физику отделить от философии. Он пишет, что отличать надо не необозреваемое, которое можно найти в «исторических» и «экспериментальных» науках, а два типа необозреваемости, что можно найти в любой науке: обнаруживаемое (детектируемое) и необнару-

живаемое (идея принадлежит Анжану Чакраварти). Такое деление по крайней мере решает проблему выявления через технический инструментарий в физике и вообще в естественных науках (*ibid.*, p. 85)³¹.

Эти проблемы были решены еще в 1920-е годы благодаря принципу неопределенности Гейзенберга и волновой теории Шредингера, другими словами, в связи со многими «чудесами» квантовой теории. Они были разрешены в ответе на вопрос относительно поведения физических частиц, например электрона, в рамках квантовых неопределенностей и вероятностей, которые предположил Макс Борн. После этого, хотя некоторые вопросы и оставались неясными до начала 1960-х годов, сама проблема неопределенности была решена не только физиками, но и философами, причем именно на материалистической основе³². Поэтому вызывает недоумение возврат в XXI веке к этим давно решенным проблемам.

Эти как бы далекие от международных отношений рассуждения внедрились в ТМО, в которой обсуждается, например, проблема «индивидуума», столь же необозримо, как и государство. Джексон пишет, что сложилась эпистемологическая брешь между наблюдением *поведения* и заключением, что поведение является действием (акцией), в частности *мотивированным* действием индивидуальной личности. Несмотря на это, многие ученые, занимающиеся международными отношениями, согласны с Робертом Гилпином, точнее, с его декларацией о том, что строго говоря... только индивидуумы, объединившись вместе в различного типа коалиции, можно сказать, имеют «интересы» и что поэтому индивидуумы в определенном смысле являются фундаментом для всех социальных институтов и акторов. И это как бы совершенно правильно. (На самом деле абсолютно неверно – А.Б.). Но и критические реалисты поступают таким же образом, только используют другую терминологию. Для них индивидуумы это своего рода «самоорганизуемое нечто с требованием материального воспроизводства» (Вендт).

Или по-другому: «Человеческие агентства являются движущей силой любых событий, действий и результатов социального мира» (Десслер), где человеческие агентства равны человеческим индивидуумам³³.

Гилпин и его последователи, видимо, не осознают, что в науке познания существует частное, особенное и всеобщее, каждое из которых отражает явления, описываемые разными терминами, преобразованными в понятия и категории. И действуют они совершенно различно. Индивидуумы, образующие группы, союзы, – это один тип поведения, индивидуумы, образующие государство, – другой тип, а человечество – совершенно иной. Здесь нет абсолютно никаких загадок, а требуется всего лишь понимание некоторых азбучных законов диалектики.

Джексон указывает на еще одну разницу между критическими реалистами и неопозитивистами – в их отношении к прогнозам. Первые отвергают возможность прогнозов как на уровне эпистемологических стандартов, так и научных возможностей. Для вторых же прогноз равен объяснению, поскольку объяснить исход (результат) означает подвести его под закон, а сделать прогноз – это использовать закон (*ibid.*, p. 111). Думаю, что те и другие не правы. Первые в принципе, а вторые потому, что прогноз требует знания законов, которые формулируются при познании сущностей явлений, что неопозитивизм отвергает в принципе.

Обобщая, Джексон делает такой вывод:

³¹ Что касается физики, то надо иметь в виду, что существует *принцип наблюдаемости*, который запрещает физику пользоваться конструкциями принципиально ненаблюдаемых объектов, если последним придается значение объектов реального мира. Иначе говоря, утверждения о существовании объектов являются бессодержательными, если объект принципиально ненаблюдаем. Исходя из этого принципа, в свое время Эйнштейн отверг понятие эфира и связанную с ним лоренцевскую интерпретацию результатов опытов Майкельсона. Подр. см.: Чудинов. Теория относительности и философия, с. 31–4.

³² См.: Холличер. Природа в научной картине мира, с. 159–203.

³³ См.: Jackson, p. 90.

критический реализм также придерживается разделения разума-мира, но позволяет знаниям восходить к сущностным сферам, проникая в суть и без всевозможных опытов (ibid., p. 197).

Аналитизм (Analyticism). Аналитизм согласуется с неопозитивистским подходом об ограниченности знаний в феноменологической сфере, но отвергает понятие *мира-не-зависящего-от-разума* как абсурд (бессмысленность). Джексон эту часть начинает со сравнения теории Кеннета Уолца, построенной на лексиконе функционального структурализма в рамках «системной структуры», и теорий его оппонентов, иначе понимающих термин *структура*. Для Уолца, полагает Джексон, теории не просто нечто, что сравнивается с реальностью, скорее, именно теории и конструируют реальность, о которой «никто не сможет сказать, что это не подлинная реальность» и как таковая должна быть оценена в терминах, «передают ли они (теории) дух необозреваемых отношений вещей» и предоставляют ли «связи и причины, на основе которых вещи воспринимаются обозреваемыми»³⁴.

Отношения теории и реальности – старая проблема позитивизма, которую все его виды в конечном счете решают в пользу идеалистического монизма. Джексон, правда, разделяет его на чисто идеалистический (существует только разум) и субъективистский (то, что существует, является функцией индивидуального разума). И то и другое у него есть феноменологический монизм. Но в любом случае оба варианта остаются на стороне «разума» в связке разум-мир³⁵. Джексон весьма детально проанализировал, как решалась проблема этой пары в истории философии, сконцентрировавшись в основном на философах-идеалистах, уделив большое внимание Ницше.

Все это ему было надо в конечном счете для того, чтобы сделать вывод:

дуализм так или иначе имеет дело с понятием истины, выявление которой находится между субъективным разумом и независимым-от-разума-миром, в то время как монизм уравнивает истину с необходимой (очевидной) полезностью, или, как писал Вильям Джеймс, «со стоимостью в терминах конкретного опыта» (ibid., p. 141).

Что, кстати, является уже не столько позитивизмом, сколько чистым прагматизмом.

Как раз именно эта методологическая база положена в основу конструктивизма (такими исследователями, как «социальный конструктивист» Макартур или «конструктивный эмпирист» Ван Фраассен) в ТМО. Но в ТМО, уверяет Джексон, «конструктивизм» не является философской онтологией, а относится к научной онтологии с таким набором существенных терминов, как «норма», «идея», «культура» и т. д.

Это направление Джексон называет *аналитизмом*, т. е. методологией, под которой он имеет в виду «анализ различных явлений одновременно», в отличие от словарных определений, где «анализ» означает первоначальную разбивку чего-либо на части, т. е. упрощение в целях увеличения всесторонности рассмотрения. Он также отличает эту методологию от синтетической, где утверждения, сделанные на основе аналитической методологии, «верны по определению», а «синтетические утверждения» требуют эмпирических оценок.

Рефлексивизм. Используя довольно редкий термин *рефлексивность* (*reflexivity*), автор сразу же оговаривает его отличие от похожего термина «рефлексия» (*reflection*, отражение)³⁶.

³⁴ Цит. по: Jackson, p. 113.

³⁵ Джексон, видимо, не знает, что от монизма древнегреческих материалистов (Фалес, Анаксагор, Анаксимандр, Демокрит и др.) в свое время отпочковалась и другая его разновидность – материалистическая диалектика, которая как раз разбираемую проблему давно решила просто и убедительно.

³⁶ Здесь у меня возникает трудность с переводом на русский язык. Дело в том, что на самом деле именно понятие *Reflection* (*die Reflexion*) – «отражение» описывает взаимоотношения между разумом и миром, по крайней мере в гегелевском варианте. Фактически в этом же качестве, но уже как *Reflexivity* представляет этот термин и Кембриджский словарь: «(1) reflexive (or

Последний термин относится к поведению, общественной практике, как бы обладает больше прагматическим смыслом, в то время как рефлексивность наполнена философским содержанием в контексте отношений связки разум-мир. Именно в таком качестве это направление лишь напоминает марксистскую теорию отражения, хотя на самом деле оно весьма далеко от нее.

Джексон в принципе отделяет рефлексивизм от неопозитивизма, описывая ее как самостоятельный подход в философии. Если трансфактуальный монизм вызывает к определенной рефлексивности знаний, при котором инструменты накопления знаний возвращаются к самому ученому, то рефлексивность базируется или гарантируется эмпирическими требованиями, не относящимися ни к *разуму-зависящему-от-реальности*, ни к набору культурных ценностей, а только к практике накопления знаний как таковых. Видимо, слово «практика», которая в рамках марксистской философии является критерием истины, и заставило Джексона отнести это направление к марксистскому. Хотя это и не совсем так.

Рефлексивисты придают большое значение функциональности научных знаний. Причем эти знания являются не простым выражением классовых, расовых или гендерных атрибутов, а именно в контексте оказания влияния на эти различия. «Рефлексивисты являются монистами в том смысле, что они также не верят, что знания соответствуют *миру-независимому-от-разума*». Они убеждены в том, что, только помещая себя в социальную среду и одновременно анализируя собственную роль в качестве производителя знания, можно достигнуть таких знаний, которые необходимы для социальных мероприятий. За усложненной и запутанной словесной эквилибристикой скрывается простая мысль: «... знания прежде всего порождаются в личности, осознающей себя» и только затем соотносятся с окружающей средой (= «миром»). Точнее, не столько соотносятся, сколько определяют этот «мир», который у них так же, как и у аналитистов, не может быть полностью познан. На таких позициях стоят весьма разнообразные течения, в том числе феминистки и ученые «постколониального» времени.

Со ссылкой на Антонио Грамши Джексон отмечает, что рефлексивисты отрицают чисто «объективный» прогноз, поскольку в него вносится «программа», которая изменяет объективность в пользу нужного результата. Автор здесь, правда, не указывает, какой тип прогноза он имеет в виду: форму ли предвидения (prediction) или предсказания (forecast) и т. д. (Эта тема специального разговора, что будет освещено в соответствующем разделе.) Относя и марксистов к рефлексивистам, Джексон не оговаривает систему координат для прогнозов: одно дело – прогноз общественных явлений, где действительно субъективный фактор может играть существенную роль, например в форме программы действий для реализации желательного прогноза. В этом случае Джексон прав. Но если речь идет о естественных событиях, например о прогнозе погоды, тогда вряд ли субъективная «программа» кого бы то ни было поможет «одержать победу». Джексон, так же как и разбираемые им философы, часто забывает разграничивать системы координат явлений, которые обсуждаются. Хотя наверняка все они должны знать, что законы природы работают не так, как закономерности общественного развития.

Из последующего анализа становится очевидным, что у Джексона речь идет об ученых общественного профиля, особенно когда он говорит о том, что ученые-рефлексивисты «всегда историчны, или диалектичны». Он имеет в виду, что такого типа ученые, какие бы явления они ни анализировали, в конечном счете обязательно свой анализ и выводы будут сопрягать с историческими изменениями в обществе. Более того, «для рефлексивиста знание мира и изменение мира неразделимы» (ibid., p. 160). Это чуть переиначенное выражение Маркса о

exhibit reflexivity): for all a , aRa . That is, a reflexive relation is one that, like identity, each thing bears to itself. Examples: a weighs as much as b ; or the *universal relation*, i.e., the relation R such that for all a and b , aRb . (*The Cambridge Dictionary of Philosophy*, p. 788). У Джексона же другая интерпретация, поэтому мне придется его термин оставить без перевода, тем более что и Большой англо-русский словарь его оставляет в первоизданном виде.

философах, которые обязаны не только познавать мир, но и изменять его, что, безусловно, верно, если только эту идею не доводить до абсурда.

Некоторая схожесть идей марксизма с идеями Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно, а также других представителей Франкфуртской школы, видимо, послужила основанием для Джексона отнести последних к последователям марксистской традиции. Это не так хотя бы уже потому, что подлинны марксисты и, скажем, тот же Адорно кардинально иначе относились к диалектике Гегеля, не говоря уже о различных подходах к реальностям XX века, особенно в сопоставлении социализма и капитализма. Тем не менее Джексон прав в том смысле, что и марксисты, и рефлексивисты действительно строили анализ общественных явлений с позиции необходимости использования научных достижений для совершенствования общества. Другое дело, что они предлагали различные пути этого совершенствования.

Джексон, со ссылкой на марксиста Альтусера, обращает внимание на одну интересную метаморфозу, которая происходит при *импорте* некоторых теоретических элементов в виде понятий, категорий, методов и т. д. из одной области науки в «новое содержание». В процессе перехода оказывается, что «новизна» ставится под сомнение не столько из-за самих импортированных научных понятий, сколько из-за «крупных философских категорий». И поэтому необходимо очень долгое время, для того чтобы они заработали при решении старых проблем (ibid., p. 177).

Перенос понятий и категорий из одной области знаний в другую действительно важная философская тема, которая, на мой взгляд, недостаточно разработана. В любом случае необходимо очень осторожно работать с такими переходными понятиями, как, например, *прогресс* или *эволюция*, которые относят к органическому, неорганическому и общественному миру.

Джексон утверждает, что рефлексивизм превратился в центральный метод исследования МО. Одним из его основателей был Е.Х. Карп, который свои основные аргументы заимствовал из работ-дискуссий Карла Манхейма. Его известная книга «Двадцать лет кризиса» была диалектичной, и то, что он сказал в ней о производстве знаний, в большей степени звучит не в духе взглядов современных реалистов (они почти все неопозитивисты), а в русле подходов современных марксистов и феминистов (ibid., p. 187).

В целом же рефлексивизм, считает Джексон, вбирает в себя монистский отказ от понятия *мир-независимый-от-разума*, и трансфактуального признания знаний, которые реализуются за пределами феноменального опыта (ibid., p. 197). Такой вывод на самом деле означает, что рефлексивизм – это одна из разновидностей философии идеализма, которая в наше время проявляет себя в форме субъективного монизма, где разум познает и управляет миром, не обращая внимание на внутренние закономерности природы.

Если это так, то никакого отношения к марксизму этот подход не имеет, поскольку марксизм, наоборот, признает объективность мира, независимого от сознания, и не признает знания, которые не подтверждаются общественной практикой. Именно эти идеи было подробно изложены в философских работах, в частности, Энгельса («Диалектика природы») и Ленина («Материализм и эмпириокритицизм», а также в «Философских тетрадах»), которые, судя даже по обширной библиографии Джексона, прошли мимо внимания автора.

И все же этому направлению придется уделить специальное внимание в последующем по двум причинам. Рефлексивисты являются ярыми противниками позитивизма и ее разновидностей, составляя любопытный сегмент политико-философского течения на левом фланге критиков капитализма³⁷. Несмотря на это, это течение не является марксистским, как его пытаются представить некоторые последователи рефлексивизма и его интерпретаторы. Что и придется разяснять в соответствующем месте.

³⁷ Подр. см.: Neufeld. The Restructuring of International Relations Theory.

Плюралистическая наука МО. Собственная позиция Джексона опирается на плюралистический подход к знаниям. Прежде всего он определился с термином «наука», базирующимся на определениях, данных Максом Вебером. Звучит этот «широкий» термин так:

Наука – это «тщательное и строгое применение набора теорий и понятий для того, чтобы произвести „продуманную организацию эмпирической актуальности“»³⁸ Этот вывод включает в себя три требования к научным знаниям: они должны *систематически* сопрягаться с исходными посылками, они должны подвергаться *общественному критицизму* внутри научного сообщества и должны стремиться создавать *мировые знания* (ibid., p. 193).

Отсюда вытекает, что цель науки – это организация научных знаний. Ради чего – не сказано. Этот вывод сделан чисто в неопозитивистском духе.

Изложив основные требования к науке, он предлагает «вовлеченное плюралистическое отношение», заключающееся в отказе от методологических различий, которые находятся в изоляции друг от друга или эклектически собраны из различных «клеток» в типологии философско-онтологических пристрастий. И что же дает такой плюрализм? Оказывается:

Вовлеченный плюрализм выносит на поверхность спорные темы; темы, которые без особой надобности не раскрываются в согласии или несогласии, а вместо этого производят тонкую дифференциацию и спецификацию, привнесенную трудной умственной работой (ibid., 207).

Именно в этом суть «методологического плюрализма». И в поддержку такого подхода Джексон призывает не кого-нибудь, а прагматика Вильяма Джеймса. Джеймс же, естественно, рассуждает о том, почему мы должны верить каким-либо «изолированным системам идей», когда мир управляется множеством систем и различными людьми, когда результаты очевидного опыта говорят нам о том, что мир творится (делается) на основе многих системных идей и различными людьми, которые при реализации своих идей получают свои прибыли (profit), в то время как другого типа «профиты» могут быть пропущены или отсрочены... Да и вообще мир так сложен, состоит из множества реальностей, следовательно, чтобы его понять, должны быть использованы различные понятия и различные отношения... и далее все в таком же духе³⁹.

Джексон, как бы оправдывая своего ментора, пишет, что, возможно, язык Джеймса немножко устарел, но главная его идея «прекрасно подходит для научного поля, характеризуемого различными методологическими перспективами и „системой идей“»⁴⁰. «Методологический плюрализм, – пишет Джексон, – раскрывает ситуацию, в которой различные научные методологии вбирают различные части знаний, каждая из которых внутренне находит свое особенное место, но ни один из них не требует безоговорочного универсального преимущества» (ibid.).

Плюрализм в политике, может быть, и не плох. Но плюрализм в науке? Очевидно, не это имеет в виду Джексон. Ясно, что он как бы открывает дорогу для множества подходов, методов для изучения истины. Истины ли? Вот в чем вопрос.

Джексон со ссылками на Вебера и Вайта подробно объясняет разницу между методами и целями науки, подчеркивая, при этом, что «целью самих знаний», по Вайту, является «объяснительное содержание» научных знаний (ibid., p. 18). При этом добавляет, что наука не имеет качественных оценок. Почему-то этот момент особенно беспокоит авторов, заставляя постоянно подчеркивать, что наука дает фактические знания и отделена от политики и нормативных оценок (ibid., p. 25). И это признают даже неограмшисты.

³⁸ Jackson, p. 160.

³⁹ James. 1902. The Varieties of Religious Experience: A study in human nature, p. 122, 123.

⁴⁰ Jackson, p. 210.

Для марксиста объективность науки – это аксиома, но для буржуазных исследователей и ученых – не совсем, поскольку они сами постоянно сталкиваются с тем, насколько научные выводы зачастую зависят от политики, или экономики, или от тех, кто спонсирует научные проекты.

Джексон уточняет свое понимание разницы между методом и методологией, соглашаясь с определениями, которые дал в свое время Дж. Сартори: методы – это техника сбора и анализа информации, а методология – логическая структура и процедура научного исследования. В узкой интерпретации в принципе можно согласиться с таким пониманием различий.

Следует также определить, что понимают философы-международники под терминами *онтология* и *эпистемология*. Под первым термином они понимают бытие и то, что существует в мире, под вторым – *познание* и как наблюдатель формулирует и оценивает этот мир. При этом, правда, повисает термин *гносеология*, но чаще всего он является синонимом эпистемологии. А далее автор, то ли в угоду плюрализму, то ли сам не замечая противоречия, обозначает различия между двумя терминами, которые использовали Хэйки Патомэки и Колин Вайт. Имеются в виду термины *онтологическая наука* и *онтологическая философия*. Первая как раз изучает бытие, а вторая занимается процессом познания, нашим отношением к бытию. Это пример крайне неудачного сочетания слов, поскольку здесь сразу же указывается, что философия не наука, с чем, кстати, согласны немало ученых-естественников. Но главное в другом. Онтология в переводе с греческого означает наука о бытии, а сами по себе наука и философия – это сферы познания, т. е. гносеология, или эпистемология. Другими словами, можно сказать, что эти два термина (наука и философия) тождественны, поскольку они выражены в единстве – онтологическая эпистемология. И следовательно, различия между ними исчезают. Указанные авторы, сами не подозревая, а Джексон их не поправил, вместо различия ввели совершенно пустые термины, которые только запутывают суть дела.

Сами они, правда, видят в таких определениях простор для плюралистических подходов к науке, вместо того чтобы «империалистически» предрешать все дискуссии, предлагая узкие и четкие определения (*ibid.*, p. 34).

И вот к каким результатам приводит отказ от «империалистического диктата». Джексон пишет:

«Что такое природа бытия?» и «Что такое цель человеческого существования?» – два очень хорошо известных примера своего рода онтологически/теологически этических вопросов, на которые каждый конкретный ученый дает ответы в конечном счете в зависимости от масштаба *веры*, именно из-за того, что они не могут быть обдуманы эмпирически или рационально (*ibid.*, p. 34. Курсив мой. – А.Б.).

Вот вам позитивизм в чистом виде! Как бы даже самый передовой позитивист ни изощрялся в заумных словесах и научных терминах, в конце концов он непременно придет к вере или духу, вселёнными в нас Тем, Кто бесконечно вечен. – Аминь! Позитивисты почему-то думают, что если они не могут дать ответы на что-либо, то этого не может сделать уже никто. Хотя на многие обсуждаемые ими вопросы давно уже даны ответы.

3. Философская школа «толковательного диалога»

Такой школы не существует. Однако чтение монографии «Теория международных отношений и философия» с подзаголовком «Толковательные диалоги»⁴¹ подтолкнуло меня назвать этот параграф именно таким образом. Вообще-то такой подзаголовок прямо указывает на

⁴¹ *International Relations Theory and Philosophy: Interpretive Dialogues.*

то, что участники монографии-сборника относятся к Английской школе, образовавшейся на методологической базе толкования (интерпретации) истории. Представленные авторы – тоже «толкователи», только толкуют они нечто другое, о чем ниже.

Судя по всему, мода на философию в контексте ТМО набирает силу. К ней активно подключилось новое поколение исследователей, прежде всего из Англии, которое решило углубить понимание сущностей МО с опорой на тех философов и социологов, о которых классики даже не задумывались. Им, классикам, явно не приходило в голову, что такие философы, как Мартин Хайдеггер, Жан Паточка, Эммануил Левинас, Жак Деррида или Людвиг Витгенштейн, имеют какое-то отношение к проблемам МО. И уж тем более вряд ли кто-то из них мог оценить «вклад» в ТМО русско-советского философа Михаила Бахтина. Думаю, что с позиции ТМО не интересовал их и Ф. Ницше. Подозреваю, что и вклад Мишеля Фуко в исследования международных отношений, который авторы называют «ценным», остался незамеченным профессиональными теоретиками МО. И это естественно, поскольку все названные философы изучали темы, в большей степени связанные с языковыми, культурологическими и литературоведческими проблемами, весьма далекими от международных отношений. Экзистенциализм же Хайдеггера и Левинаса даже на философском уровне не сопрягался с проблематикой ТМО.

И тем не менее авторы монографии, а это в основном политологи, а не международники, нашли в работах названных философов идеи, которые позволили фактически открыть пока небольшую нишу в рамках Английской школы, своего рода подшколу «толковательного диалога», которая растолковывает международные отношения с позиции лингвистики, интерпретаций текстов и поведения акторов. Насколько это «углубляет» ТМО, пока судить сложно, но некоторое философское обрамление исследованиям на международную тематику подобный подход, безусловно, дает. А может быть, и нечто большее. Попробуем разобраться.

Начнем со статьи о Ницше, авторами которой являются международник из Австралии Роланд Блейкер и политолог из Англии Марк Чоу⁴². Они сразу же заявляют, что Ницше оказал влияние на Мишеля Фуко, Альбера Камю и феминистку Юдит Батлер. На самом деле Ницше повлиял на значительно большее количество значимых имен, но здесь как бы имелись в виду те лица, которые каким-то боком соприкасаются с темой МО. Не знаю, как насчет Батлер, но что касается двух первых, то они к этой теме имели такое же отношение, как любой турист, путешествующий из одной страны в другую.

Что привлекло авторов в Ницше? Прежде всего его высказывание о стиле. «Стиль имеет значение» – так выразили они идею Ницше. Хотя о стиле Ницше говорил не совсем так, но в данном случае это пока неважно. Ради исторической справедливости следуют, правда, напомнить, что до Ницше о стиле афористично выразился и француз Ж. Бюффон: «Стиль – это человек». Но если Бюффон просто выразился, то Ницше продемонстрировал необычность своего стиля во всех своих работах. Поскольку для него это действительно имело громадное значение, так как недаром в учении о стиле он подчеркивал: «Первое, что необходимо здесь, есть *жизнь*: стиль должен жить». И не просто жить. «Стиль должен доказывать, что *веришь* в свои мысли и не только мыслишь их, но и *ощущаешь*»⁴³.

Из такого типа высказываний авторам больше всего понравилось следующее:

Здесь мы высвечиваем один из важных уроков, почерпнутых у Ницше, о том, что не столь важно, что он сказал, а как он сказал⁴⁴.

Авторы не замечают, что такого типа урок скорее относится к словесному творчеству, литературе, поэзии, вообще к искусству, для которых часто форма важнее содержания. При

⁴² Roland Bleiker and Mark Chou. Nietzsche's Style: on Language, Knowledge and Power in International Relations. In: *International Relations Theory and Philosophy: Interpretive Dialogues*.

⁴³ Ницше, т. 1, с. 751, 752.

⁴⁴ Roland Bleiker and Mark Chou, p. 8.

формулировке же закона или некой научной истины не имеет значения, обрамил ли ты свое высказывание метафорами или эпитетами, важно именно то, что ты сказал. И как сказанное согласуется с научными истинами, отражающими объективную реальность. Для истины «стиль» не важен.

«Толкователи» приводят еще одно вдохновившее их суждение Ницше: «Настоящая опасность, по мнению Ницше, заключается в том, „что все зависит от содержания понятия“» (ibid.). Я сомневаюсь, что Ницше мог так сказать, учитывая его глубокое уважение к Гегелю. Но если он это где-то и сказал или написал, то наверняка речь шла не о научной сфере, а об искусстве или литературе. В таком контексте это высказывание для Ницше было бы естественным, поскольку он прежде всего поэт, для которого любое понятие ограничивает явление, сужает его только до сути. Жизнь, как известно, богаче любого понятия, а для творческих людей, поэтов сутью является художественный образ, где истина вообще ни к чему. Они наслаждаются разнообразием явлений. Но науки без понятий не существует. И то, что верно и убедительно для искусства, неприемлемо для науки.

И далее идет восхищение рассуждениями Ницше о «деревьях, цвете, снеге и цветах», которые являются вещами сами-по-себе, но все еще воспринимаются как метафоры, «которые не соответствуют действительным целостностям» (р. 10). Или такой поэтический пассаж против «реалистов» из его «Веселой науки»:

Вот эта гора! Вон то облако! Что в них «действительного»? Страхните же однажды с них иллюзию и всю человеческую примесь, мои трезвые друзья! Да если бы вы только смогли это! Если бы вам удалось забыть ваше происхождение, ваше прошлое, ваше детство – всю вашу человечность и животность! Для вас не существует никакой «действительности» – да и для вас тоже, мои рассудительные друзья (р. 11).

И вот этот пассаж, который Ницше написал с позиции «влюбленного художника», приводит к таким глубокомысленным выводам авторов статьи: «Способ, на основе которого мы воспринимаем и трактуем эти факты и феномены, зависит от точки зрения (а в данном случае правильнее было бы сказать – от местоположения), с каких мы их обзираем» (ibid.). Неужели для столь банального вывода нужна была философия Ницше? Неужели и без всякой философии не ясно, что художник или поэт иначе воспринимает «горы и облака», чем ученый? И неужели, если кто-то эти же самые горы и облака назовет другими словами, они поменяют свою онтологическую сущность? Но именно к такому выводу приходят Блейкер и Чоу, когда пишут:

Борьба за лучший и справедливый мир только тогда может стать успешной, если он (мир) напрямую сопрягается с терминологией, на основе которой мы интерпретируем и представляем международные отношения (р. 17).

Подчеркиваю: речь идет не о понятиях и категориях, а именно о словах. Как было бы просто достигать мира всего лишь изменяя слова!

И все же при всей безрассудности такого подхода в нем есть некоторый смысл, когда речь идет о пропагандистском или идеологическом обрамлении политики. И здесь авторы даже сами употребили фразу – «язык обрамляет политику» (language frames politics). Например, агрессию или вторжение можно назвать помощью, и тогда, если следовать логике авторов, содержание политики тоже меняется. Точно так же обстоит дело, если выражение «свержение иностранного правительства» поменять на «освобождение от тирании», слово социализм поменять на тоталитаризм, а империализм на демократию, феодализм на коммунизм и т. д. Очень часто это срабатывает. На то и пропаганда. И действительно, получается, что стиль и слова «имеют значение». И конечно же, поведение на международной арене не может быть отделено от манеры и стиля. Но авторы заблуждаются, когда утверждают:

Надо признать, что эти факты имеют смысл только благодаря нашей интерпретации, которая, в свою очередь, воздействует на то, как мы политически воспринимаем окружающие нас факты и феномены (р. 17).

Авторы забывают известное изречение Талейрана, что «слова нам даны, чтобы скрывать наши мысли». Дипломатия – это искусство, или такая игра, в которой выигрывает часто не самый сильный, а самый хитрый, именно тот, кто словесными трюками усыпляет противника. Все это настолько банально, что неслучайно профессиональные теоретики даже не обсуждают эти азбучные истины и тем более не выводят их на уровень неких философских мудростей, от которых надо отталкиваться в своем поведении и словесном выражении.

Вообще-то не знать об этом для англоязычных политологов и социологов непозволительно, если иметь в виду, что Джордж Оруэлл довольно подробно описывал подобные явления в своем знаменитом эссе «Политика и английский язык». Напомню. В нем он писал: «Все проблемы являются политическими проблемами, а политика сама есть масса лжи, уверток, глупости, ненависти и шизофрении»⁴⁵. И он на многих примерах показал, как слова «защищают незащищаемое», как ложь выдается за правду и как убийство становится респектабельным действием. Показал он и метод сокрытия смысла слов. Для этого обычно используются латинские слова, которые «покрывают факты как снежок, размывая четкость и скрывая детали», а также абстрактные термины взамен конкретных слов (*ibid.*).

Интересно, что известный американский лингвист Джордж Лакофф все эти языковые хитрости воспроизвел на современном материале при сравнении политического языка демократов и республиканцев. К примеру, когда речь идет о бюджетных проблемах последние употребляют слова *налоги* (*taxes*) и *расходы* (*spendings*), в то время как первые предпочитают говорить *о доходах для инвестиций* (*revenues for investments*). Республиканцы, как правило, выражаются конкретно, демократы – абстрактно. Если же речь идет в целом о внешней политике, то, скажем, слово *убивать* (*to kill*) применяется для описания действий врагов по отношению к США. Аналогичные действия Америки против врагов обозначаются таким эвфемизмом, как *кинетическая акция*. Или, как однажды выразился Барак Обама, «летальные, целевые действия против Аль-Каиды и связанных с ней сил»⁴⁶. И во всем этом нет ничего удивительного. Задача политика заключается в том, чтобы достичь целей, используя в том числе и языковой арсенал.

Но когда речь идет о науке, задача ученого как раз заключается в том, чтобы самому не стать жертвой пропаганды. Словесные выкрутасы не меняют сущностей. Они только затуманивают их, часто вводя в заблуждение и самих авторов подобных выкрутас. Это не просто логический позитивизм, доведенный Людвигом Витгенштейном до крайности, это крайняя форма субъективного идеализма, превосходящая солипсизм Беркли.

Любопытно, что автор статьи, посвященной именно Витгенштейну, Карин М. Фирке, все-рез утверждает, что языковые исследования знаменитого австрийца «повлияли на все основные направления мысли в работах о международных отношениях»⁴⁷. Правда, сразу же опровергая себя, говорит, что это влияние было «косвенным» и не всеми признанным, имея в виду аллергию к вопросам языка в ТМО. По мнению Фирке, влияние исследований Витгенштейна на ТМО выразилось в том, что они позволяют смотреть на международные отношения «с другого угла». Опять же при этом она забыла указать, насколько этот угол углубил познание в области международной тематики. Витгенштейн, безусловно, талантливый лингвист. Но использо-

⁴⁵ Orwell. Politics and the English Language, p. 167.

⁴⁶ Подр. см.: Lakoff and Wehling. The Little Blue Book: The Essential Guide to Thinking and Talking Democratic.

⁴⁷ Fierke. Wittgenstein and International Relations Theory. In: International Relations Theory and Philosophy: Interpretive Dialogues, p. 83

вать его философские изыскания в области языка для ТМО в состоянии только такой не менее талантливый лингвист и политолог, как Карин Фирке.

Упомянутые выше Блейкер и Чоу обратили внимание на одну важную мысль, которую они вынесли из работ Ницше. Это взаимосвязь между языком, знаниями и властью (как power). Они пишут:

Он (Ницше) верил, что поиск истины всегда содержит волю к власти (power), жажду триумфа, желание покорять. Это желание редко подчеркивалось и даже признавалось, поскольку оно встроено в саму природу языка и знаний (р. 9).

Эту идею они, видимо, почерпнули из работы, приписываемой Ницше, «Воля к власти»⁴⁸. Авторы полагают, что множество современных писателей стали эксплуатировать эту идею, выдвинутую Ницше. Из этого множества они назвали только Мишеля Фуко. Идея заключается в том, что не существует властных отношений, которые бы не содержали знаний, и, наоборот, не существует знаний, которые не предполагали бы в то же время властных отношений (р. 12).

Следует сказать, что на самом деле о взаимоотношениях знания и силы писали многие философы, начиная с Ф. Бэкона («знание есть сила»), хотя ни один из них не смог вскрыть их онтологические взаимосвязи⁴⁹. Но здесь важно то, что авторы обратили внимание на эту взаимосвязь, которую им подсказал Ницше. Детально же эта тема, включая и анализ понимания этой связи М. Фуко, будет рассмотрена в соответствующем месте.

Прежде чем приступить к анализу еще одной статьи, я не могу удержаться, коль речь зашла о Ницше, чтобы не упомянуть отношение самого Ницше к англосаксонской расе. В работе «По ту сторону добра и зла» популярный среди англичан и австралийцев философ крайне нелестно отзывается о такой «нефилософской расе», как англичане. Досталось всем: и Бэкону, и Гоббсу с Юмом, «нудному путанику Карлейлю», а также таким «посредственным англичанам», как Дарвин, Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер. И даже: «В конце концов не следует забывать того, что англичане с их глубокой посредственностью уже однажды были причиной общего понижения умственного уровня Европы»⁵⁰.

Я, естественно, не разделяю отношение Ницше к названным именам, но для меня было бы странным опираться на учение человека, который оскорбляет мою нацию, и при этом восхищенно рекламировать его идеи, которые в общем весьма банальны, по крайней мере с точки зрения ТМО. У англичан, видимо, другое представление о чувстве собственного достоинства.

А теперь о статье, связывающей Юргена Хабермаса и Маркса с Критической теорией в ТМО. Ее автором является Александр Аниवास, специализирующийся на изучении левых политиков и философов.

Критическая теория – это одна из модных школ в ТМО. По мнению Аниаваса, ее основателем был Макс Хоркхаймер, вдохновленный идеей Маркса о «безжалостной критике всего, что существует». Хотя книга самого Хоркхаймера была опубликована еще в 1937 г., однако идеи Критической теории стали внедряться в ТМО в начале 1970-х годов. Ее главным отличием от «традиционных теорий» (так назывались буржуазные теории) считается утверждение, что все знания являются «социально обусловленным историческим продуктом». То есть теория может быть понята в контексте «реальных социальных процессов», а не в «абсолютизированных, идеологических категориях»⁵¹. Последнее, как вытекает из работы Хоркхаймера,

⁴⁸ На самом деле такую работу Ницше не писал. Она была фальшивкой, сфабрикованной сестрой Ницше – Фёрстер-Ницше. Подр. см.: *Свасьян К.А.* Фридрих Ницше: мученик познания. В Ницше, т. 1.

⁴⁹ Подр. см.: *Бэттлер.* Дialeктика силы.

⁵⁰ *Ницше*, т. 2, с. 372.

⁵¹ *Anievas.* On Habermas, Marx and the critical theory tradition: theoretical astery or drift? In: *International Relations Theory and Philosophy: Interpretive Dialogues*, p. 146.

как бы присуще марксистским теориям. Хотя на идее «историзма» всех процессов постоянно настаивали именно Маркс и все его подлинные последователи. Но адепты Критической теории, видимо, не заметили этого.

Если же коротко, то Критическая теория авторами определяется в терминах методологического введения в: 1) теоретическую саморефлексию, 2) историчность, 3) социальную тотальность, 4) постоянную критику с просветительскими намерениями (ibid.). Хабермасу, однако, не понравилась излишняя материалистичность истории по Марксу, и он выдвинул возражения, которые пришлись по вкусу большинству сторонников этой теории. Свои идеи он изложил в известной работе «Теории коммуникационных действий», в которой главную роль играла лингвистическая составляющая в процессе понимания рационально мотивированных решений. Этой работе предшествовала критика Хабермасом нескольких положений Маркса. Одно из его возражений заключалось в том, что якобы Маркс «неадекватно отделил труд от взаимодействия». Последнее у него растворилось в труде. Это Хабермас доказывает на основе лингвистического анализа слов, например, того же самого «труда». Более того, по его мнению, Маркс рассматривал само понятие «труд» как эпистемологическую категорию, что вызывает у Хабермаса большие сомнения.

Я не собираюсь втягиваться в полемику с Хабермасом. Хочу только подчеркнуть, что не только он, но и многие другие «крупные ученые» критикуют Маркса за то, что он не анализировал те или иные явления в соответствии со свежими взглядами этих самых ученых. Им почему-то не приходит в голову, что Маркс, анализируя категорию труда, совершал экономический анализ на базе экономических понятий и категорий, а не разбирал философскую адекватность слова «труд» слову «взаимодействие». При этом вряд ли он задумывался, поймут ли его толкование «труда» последующие теоретики, которые сконцентрируются под влиянием Хабермаса на слове «диалог». Аналогичную критику можно предъявить любому исследователю даже самой широкой темы, поскольку всегда найдется лингвист, который попрекнет его в том, что он в своем анализе проигнорировал, например, истоки происхождения слова *информация*. Но здесь для нас важно то, как оказалось, и Хоркхаймер, и особенно Хабермас оказали большое влияние на формирование Критической школы, в частности на одного из ее приверженцев – Эндрю Линклейтера, с которым придется не раз и не два встречаться на страницах следующего тома.

В своей статье Анивас подчеркивает, что тема «диалога», разработанная Хабермасом, подвигла Линклейтера на исследования социальных процессов в морально-культурной сфере. А в основу трехступенной морально-эволюционной модели Хабермаса, который, в свою очередь, позаимствовал ее у Лоуренса Кольберга, Линклейтер закладывает «прогрессивное развитие различных форм морального понимания» в таких формулировках: предконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный (на русском языке смысл этих слов приблизительно означал бы: отсталый, шаблонно-традиционный и современный). Эта заумь в переводе на нормальный язык означает следующее. При отсталом моральном уровне люди подчиняются нормам из страха наказания, на шаблонно-традиционном уровне они подчиняются из чувства групповой лояльности, а на современном, не подчиняясь властным структурам, следуют только тем нормам, которые имеют универсальную ценность. Последнее, понятно, является высшей степенью морали.

Как же этот подход сказывается на ТМО? Оказывается, существенно. Линклейтер, в пересказе Аниваса, справедливо полагает, что конец холодной войны и глобализация разорвали связку «суверенитет, территориальность, гражданство и национализм». Это особенно стало заметно в Европейском сообществе. Имеется в виду, что на западноевропейском пространстве создались своего рода экономические и политические интеграционные поля, обозначенные как «пост-Вестфальское сообщество», внутри которого как раз и начался «универсальный диалог», демонстрирующий эрозию национальных государств как монополистов силы. И

в результате на выходе мы получаем «транснациональное гражданство», которое движется в сторону подлинного «космополитического гражданства» (р. 153).

Ирония заключается в том, что, даже если согласиться с подобными рассуждениями англичанина Линклейтера, именно Англия меньше всего вовлечена в это Европейское сообщество, к тому же постоянно грозит покинуть даже его экономические структуры. В любом случае другие политологи, к примеру Робби Шильям (тоже из Англии), с недоверием отнеслись к теориям Линклейтера, обозначая их как «идеалистическое понятие», которое выстраивает историю в рамках целенаправленного процесса. Другой оппонент, американка Джин Элштейн, не без иронии замечает: «Кажется, Линклейтер ожидает, что „имущие“ добровольно передадут свое благосостояние „неимущим“ для достижения правильного функционирования общества» (р. 154).

Хабермас, в отличие от своего последователя идеалиста Линклейтера, осознает «антиномию» между теорией и практикой, приспособливая первую к «уже существующим политическим обществам», в результате чего «хорошее» общество это то, «что есть и что может быть социально принятым» (ibid.). Здесь вновь речь может идти об интерпретации, поскольку «принятыми» могут оказаться «интервенции, возглавляемые США, в Заливе, Косово, и (с долей критики) в Афганистане», которые как раз и были поддержаны Хабермасом (р. 155). Эти интервенции могут означать перетолкованные идеи Линклейтера о «гуманитарных интервенциях Запада, а также разговоры о правах человека». Видимо, в ключе своего понимания интервенций Хабермас довольно оптимистично оценивает и просветительскую потенцию Европейского сообщества и превращение его в «космополитическое сообщество государств».

Любопытно, что Хабермас в своем отношении к военным интервенциям Запада после холодной войны не одинок. Аналогичной позиции, по мнению Анибаса, придерживаются практически все значимые ученые леволиберального направления. В подтверждение он приводит обширную цитату видного представителя «новых левых» англичанина Перри Р. Андерсена, глубоко изучавшего теории Хабермаса и левых. В одной из своих работ Андерсен пишет, что за всеми этими философствованиями стоит «банальное ежедневное желание – поиметь пирог и съесть его». И как бы ни критиковали стандартные подходы в международных отношениях, заменяя их на отношения «универсальной морали», в конечном счете «развязка не вызывает сомнения: лицензия для американской империи как месту для человеческого прогресса»⁵².

* * *

Здесь нет необходимости критически разбирать или углубляться в труды Витгенштейна, Хоркхаймера или Хабермаса, поскольку не в этом состоит задача раздела. Здесь важно было подчеркнуть, что в ТМО стало хорошим тоном начинать с философии, точнее, с анализа идей тех или иных философов, которые оказали влияние на работы самих теоретиков МО. Причем бросается в глаза, что если классики-теоретики строили свои теории и концепции на основе философии позитивизма и прагматизма, то последующее поколение исследователей внедрило в оборот взгляды, концепции, труды философов иных течений, а также других областей знания, в частности из языкознания и культурологии.

И хотя последние никакого отношения к исследованиям на международные темы не имели и не имеют, их привлечение не лишено определённого смысла. Прежде всего для раздела пропагандистского и идеологического обрамления внешней политики, в которой слова и термины, тип поведения акторов и субъектов политики могут играть подчас решающую роль. Эту роль в свое время хорошо освоили профессионалы от рекламы. Неплохо это сделали и профессиональные политики. Правда, в этой связи не стоит забывать, что в рамках ТМО давно

⁵² Цит. по: *International Relations Theory and Philosophy: Interpretive Dialogues*, p. 155.

существует направление, обозначенное как имиджинология – наука об образах и символах. Но этот подраздел ТМО основной упор в анализе делает на стереотипы стран, или, по выражению К. Боулдинга, «имидже ситуации»⁵³.

Авторы же представленного сборника предлагают на базе лингвистики придать новый облик внешней политике стран и даже всей системе международных отношений. Неважно насколько это утопично и насколько верят сами авторы в свои утопии. Важно то, что этот срез внешнеполитического процесса может быть поднят на уровень науки в связке «язык и восприятие». Повторяю, в рекламном деле и в политике эта связка доведена едва ли не до совершенства.

4. Кантовский мир

Прежде чем вернуться к современным философам, есть смысл обратить внимание на две работы Канта, на которые ссылаются почти все «миролюбивые» теоретики МО. Речь идет о его статьях «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784)⁵⁴ и «К вечному миру» (1795)⁵⁵.

Две названные небольшие статьи Канта получили весьма широкое распространение в политологической литературе, в которой чуть ли не все буржуазные авторы высоко оценили его гуманистические идеи. Это и неудивительно, поскольку в первой статье философ призывал к «*достижению всеобщего правового гражданского общества*» (т. 8, с. 17) и к формированию «*совершенно справедливого гражданского устройства*» (там же, с. 18), одновременно отстаивая идею «всеобщего всемирно-гражданского состояния» (там же, с. 26). Во второй статье Кант пишет о вечном мире и его гарантиях.

Обычно, упомянув все эти пожелания философа, авторы начинают расхваливать мудрость Канта, не вдаваясь в анализ причин этих пожеланий, одновременно опуская ряд интересных его утверждений, которые не укладываются в политические ценности современных буржуазных обществ. Есть смысл восполнить этот пробел.

Прежде всего следует подчеркнуть, что призывы Канта к формированию гражданского и правового общества, а также к всеобщему миру были вполне естественны в конце XVIII века, особенно для тогдашних разрозненных германских государств, которые продолжали прозябать в тенетах феодальных отношений и постоянных войн между собой и с другими государствами. Для Канта, как провозвестника нарождающейся буржуазии (а на написание второй статьи (1795) его вдохновила уже начавшаяся Французская буржуазная революция 1789 г.), представленные взгляды, повторю, были вполне естественны и логичны. Вместе с тем бросается в глаза, что будущее мира он представляет в идеализированном свете, как и многие другие идеологи раннего капитализма. Мечты о «всеобщем правовом гражданском общежитии» оказались полной утопией. И идею эту как раз и утопила та самая буржуазия, в интересах которой выступал великий философ. Причем любопытно: буржуазные идеологи, выступающие против марксизма, не упускают возможности обвинить Маркса в утопизме, однако никогда этого не делают в отношении Канта. Причина проста – Кант их идеолог, их философ, неважно, прав он или нет. Маркс – чужой. Его надо «разоблачать».

Кант их философ не только по политическим взглядам, он их в немалой степени именно по философским основаниям. Дело в том, что саму идею гражданского и правового общества Кант обосновывает... глупостью человеческого рода, «ребяческим тщеславием», «злостью и страстью к разрушению» (т. 8, с. 13). Естественно, ожидать от человечества «разумной соб-

⁵³ Цит. по: Зак. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы, с. 13. В данной книге этот подраздел в русской транскрипции почему-то передан как имЕджинология, т. е. с ошибкой.

⁵⁴ Кант, т. 8.

⁵⁵ Кант, т. 7.

ственной цели» не приходится. И тут выручает природа. Оказывается, только у природы есть «определенный план». Кант утверждает:

Вот почему такое общество, в котором максимальная *свобода под внешними законами* сочетается с непреодолимым принуждением, т. е. совершенно *справедливое гражданское устройство*, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода (там же, с. 18).

И еще:

Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как *выполнение тайного плана природы* – осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество (там же, с. 23–4. Курсив мой. – А. Б.).

Перед нами пример классической телеологии, про которую забывают упомянуть все приверженцы Канта. Но он не просто телеолог, связывающий развитие человечества с законами природы, а также судьбы и провидения, которые жаждут мира и правового государства, он еще и теист в самой натуральной форме. Вот еще один пассаж из второй статьи:

В механизме природы, которой принадлежит человек (как чувственное существо), обнаруживается форма, лежащая в основе ее существования, которую нельзя понять иначе, как *приписав ей цель, указанную ей творцом мира*, что мы и называем (божественным) провидением... наконец, по отношению к отдельным событиям как божественным целям мы говорим уже не о провидении, а о воле всевышнего (*directio extraordinaria*), познать которую (указывающую на чудо, хотя события так не называются) действительно есть *безрассудная дерзость человека* (т. 7, с. 27. Курсив мой. – А.Б.).

Здесь вся его онтология, телеология, теизм и агностицизм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.